

Дженни Хан
Маван Даббен

18+

МЕЖ ДВУХ огней

От автора
бестселлера
«Все парням,
которых я любила»

Вместе и навсегда

Дженни Хан

Меж двух огней

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)44

Хан Д.

Меж двух огней / Д. Хан — «Издательство АСТ»,
2013 — (Вместе и навсегда)

ISBN 978-5-17-120385-6

У Лилии, Кэт и Мэри был идеальный план. Вместе они собирались отомстить тем, кто причинил им боль. Но все пошло совсем не так, как они ожидали. Более того, все обернулось кошмаром. Девушкам удалось выйти сухими из воды. Сейчас им остается двигаться дальше, позабыв о союзе. Только вот с крошкой Мэри определенно что-то неладно. Если она и впредь не сможет контролировать свой гнев, без жертв не обойдется. Мэри понимает: причина не в том, что Рив раньше издевался над ней, а в том, что он заставил ее влюбиться в него. ШАГ ВПЕРЕД, ШАГ НАЗАД – ОГОНЬ. И С КАЖДОЙ СЕКУНДОЙ ПЛАМЯ ВСЕ БЛИЖЕ.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)44

ISBN 978-5-17-120385-6

© Хан Д., 2013
© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Лилия	6
Кэт	8
Мэри	10
Глава первая. Мэри	12
Глава вторая. Лилия	15
Глава третья. Мэри	19
Глава четвертая. Кэт	24
Глава пятая. Лилия	27
Глава шестая. Кэт	30
Глава седьмая. Лилия	33
Глава восьмая. Мэри	36
Глава девятая. Лилия	41
Глава десятая. Мэри	45
Глава одиннадцатая. Лилия	47
Глава двенадцатая. Мэри	49
Глава тринадцатая. Кэт	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дженни Хан, Шиван Вивьен

Меж двух огней

Jenny Han, Siobhan Vivian
FIRE WITH FIRE

Copyright © 2017 by Jenny Han, Siobhan Vivian

© О. Медведь, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Лилия

Никак не могу определиться с выбором наряда. Сначала я думаю о чем-то повседневном вроде джинсов и рубашки, но вспоминаю, что там могут быть *его* родители, поэтому выбираю одежду темных тонов – серое платье с круглым вырезом и тонким ремешком. Образ смотрится как-то слишком траурно, и я примеряю шелковое оранжевое платье-рубашку. Но и оно не подходит: выглядит по-весеннему, слишком радостно.

Двери лифта открываются, и я выхожу в коридор. Сейчас раннее утро понедельника, до начала уроков еще час. У меня в руках плетеная корзинка со свежее испеченным печеньем с шоколадной крошкой и открыткой с пожеланием скорейшего выздоровления, покрытая отпечатками губ с розовой и красной помадой. На мне темно-синяя водолазка, бежевая мини-юбка и замшевые ботинки на высоком каблуке. Я накрутила волосы на бигуди и собрала несколько прядей в хвост, оставив волосы распущенными сзади.

Скрещиваю пальцы и молюсь, чтобы не выглядеть настолько же виноватой, насколько себя такой ощущаю.

«Все не так плохо, как могло бы быть», – повторяю я про себя как заклинание. Прошлой ночью все казалось просто ужасным. Рив мешком падает со сцены на пол в спортивном зале... Такое не просто забыть. Слава богу, его позвоночник цел, есть небольшие царапины и ссадины, а единственная серьезная травма – сломанная малая берцовая кость. Что, насколько я знаю, тоже нехорошо.

Его выпишут из больницы, как только возьмут кучу анализов, чтобы исключить судорожный припадок. По-моему, анализы на наркотики у него не брали. Я была уверена в обратном, но Кэт шепнула, что они не станут проверять такого спортсмена, как Рив. Поэтому никто не узнает о том, что я подлила ему в стакан. Рива не исключат из школы, а я не сяду в тюрьму. Сейчас уже ничего не докажешь.

Думаю, мы оба легко отделались.

Мы вернемся к нашей обычной жизни. Что бы это ни значило для каждого из нас. После всего произошедшего в этом году не уверена, что моя жизнь когда-либо снова будет «нормальной» и захочу ли я этого вообще. Как будто теперь есть две Лилии: Лилия До и Лилия После. Лилии До все было до лампочки, в ней не было стержня. Она не смогла бы повернуть все это, она бы не знала даже, что ей делать с самой собой. Теперь я стала намного жестче, уже не такой белой и пушистой. Мне пришлось кое-что пережить и увидеть. Я теперь не просто девочка с пляжа. Все изменилось после того, как мы встретили тех парней.

Раньше я так боялась уехать с Джар Айленда, оказаться вдали от семьи и друзей. А теперь жду не дождусь будущего года и отъезда в колледж, где никто не будет знать ни Лилии До, ни Лилии После. Там я буду для всех просто Лилией.

Женщина в приемном покое замечает меня, улыбается и спрашивает:

– Вы тоже пришли провести нашу футбольную знаменитость?

Я улыбаюсь в ответ и киваю.

– Его палата в конце коридора.

– Спасибо, – благодарю я. – Там с ним кто-то есть?

– Симпатичная маленькая брюнетка. – Женщина подмигивает мне.

Ренни. По-моему, она сидит там с самой субботы. Я дважды пыталась ей позвонить, но она так и не перезвонила. Наверняка она до сих пор обижается, что я, а не она, стала королевой осеннего бала.

Я иду по коридору, крепко сжимая в руках корзинку и открытку. Все вокруг залито флуоресцентным светом, и запах... Если бы я была маленькой, набрала бы в легкие воздух и поста-

ралась бы не дышать как можно дольше. Сейчас у меня это получается гораздо лучше, но я больше не играю в эти игры.

Чем ближе я подхожу к палате, тем чаще бьется сердце. Я слышу лишь его стук и скрип моих каблуков по больничному линолеуму. И вот я стою прямо перед дверью. На нее кто-то уже повесил табличку с его именем. Дверь чуть приоткрыта. Я ставлю корзинку на пол, собираясь постучаться, и слышу резкий хриловатый голос Рива.

– Мне плевать, что говорят доктора! Период моего восстановления не может быть таким долгим. Я на пике физической формы и собираюсь в самые короткие сроки вернуться на поле.

Она всхлипывает.

– Мы им покажем, Риви.

Сзади раздается чье-то шарканье. Это медсестра.

– Извини меня, дорогая, – щебечет она и широко открывает дверь. Затем заходит за занавес, разделяющий комнату пополам, и исчезает на другой половине.

А вот и Рив. Он в застиранной больничной одежде, небритый, на подбородке какие-то крошки, а под глазами синие круги. На одной руке – капельница, нога от пятки до бедра в гипсе, а торчащие из-под него пальцы фиолетовые и опухшие. На руках тоже полно ссадин и порезов, скорее всего из-за стекла, осыпавшего нас всех тем вечером. На самые крупные порезы наложены аккуратные швы. На больничной кровати он кажется непривычно маленьким, совсем не похожим на себя.

У Ренни красные глаза, она щурится, когда замечает меня.

Я сглатываю и протягиваю ему открытку.

– Это от девочек из нашей команды. Они все... все желают тебе всего самого хорошего. – Потом я вспоминаю про печенье и уже собираюсь подойти к Риву, чтобы отдать корзинку, но передумываю и сажусь на стул у двери.

– Я принесла тебе печенье с шоколадной крошкой. Помню, что в прошлом году на распродаже сладостей в Кей Клубе тебе понравилось, как я его пеку. – Зачем это говорю?

Рив быстро вытирает глаза уголком простыни.

– Спасибо, но я не ем никакой вредной пищи во время футбольного сезона.

Не могу сдержаться и опускаю взгляд на гипс.

– Ну да... Прости.

– Вот-вот должен прийти доктор, чтобы его снять, – говорит Ренни. – Наверное, тебе нужно уйти.

Чувствую, что мое лицо краснеет.

– Да, конечно. Выздоровливай, Рив. – Не уверена, кажется мне или нет, но, когда он смотрит на меня поверх плеча Ренни, я вижу в его глазах ненависть. Потом он их закрывает.

– Пока, – шепчет он.

Я пробегаю половину коридора и только потом останавливаюсь, вдыхаю воздух. У меня дрожат колени, в руке по-прежнему зажата открытка.

Кэт

– Он сдох, – говорю я и роняю голову на руль. – Признаки жизни отсутствуют.

Мой старший брат Пэт вытирает руки грязной тряпкой.

– Кэт, кончай разыгрывать здесь драму и снова поверни чертов ключ. – Я делаю, что меня просят, и поворачиваю ключ зажигания нашего старенького кабриолета. Ничего не происходит. Не слышно ни звука, ни шороха. Ничего.

– Это глупо, – говорю я. Хоть Пэт и знаток двигателей, но не в случае с этим драндулетом. Нашей семье позарез нужна новая машина или по крайней мере та, которую выпустили не раньше последнего десятилетия. Я вылезая и хлопаю дверью так, что трясется кабриолет. – Мне не очень-то хочется ходить в школу пешком и морозить задницу на ветру. Или, что еще хуже, ездить на школьном автобусе. Привет! Я выпускница...

Пэт кидает на меня сердитый взгляд, снова подходит к двигателю, открывает капот и становится между фарами. Несколько его друзей, окружив машину, наблюдают за происходящим, попутно опустошая запасы папиного пива. Это их любимое времяпрепровождение в понедельник вечером. Пэт просит Скитера подать ему гаечный ключ, которым он тут же начинает стучать по металлу.

Я становлюсь рядом с братом.

– Может, это аккумулятор? По-моему, радио выключилось до того, как эта рухлядь сдохла.

Это случилось сегодня вечером. Я решила прогулять восьмой урок и заехать к Мэри. Не видела ее на переменах и решила проверить, что с ней. Наверняка Мэри до сих пор в шоке от того, что случилось в школе во время осеннего бала. Она чуть с ума не сошла, когда узнала, что Рив пострадал. Бедняжка. Но далеко я не уехала, машина встала прямо на школьной парковке.

Первой моей мыслью было: «Неужели это карма?»

Надеюсь, что нет.

Пэт поворачивается, чтобы взять очередной инструмент, и чуть не задевает меня по заднице.

– Господи, успокойсь ты или нет? Иди покури или еще чем-нибудь займись.

Последние дни я была немного не в себе. Но кто бы не был после того, что случилось на осеннем балу?

Мне и в кошмарном сне не снилось, что Рива погружают на каталке в скорую помощь. Нам всего лишь хотелось, чтобы его выгнали из футбольной команды. Мы не думали, что он попадет в больницу.

Я не устаю себе напоминать, что мы не виноваты. Виновато короткое замыкание. Даже в газетах это сегодня написали. Так и было. Именно взрывы испугали Рива, и из-за этого он упал со сцены. А вовсе не то, что Лилия подлила ему в стакан. Против фактов не попрешь.

Честно говоря, это короткое замыкание здорово сыграло нам на руку. Ужасно, что много народа получило травмы. У кучи детей порезы от упавшего стекла, им наложили швы, у парня из младшего класса ожог руки, а один из учителей отравился дымом. Но короткое замыкание, фигурально выражаясь, вывело нас из-под огня. Травма Рива оказалась всего лишь следствием возникшего хаоса. После всего, что случилось, он ни за что в жизни не вспомнит, что именно Лилия подала ему стакан.

Во всяком случае, именно в этом я ее пыталась убедить.

Пэт протягивает серебристый масляный шуп приятелям, и они качают головами, как будто видят нечто непостижимое.

– Черт, Кэт! Когда ты в последний раз проверяла масло?

– Я всегда считала, что это твоя обязанность.

– Это же элементарное техническое обслуживание.

Я закатываю глаза.

– Ты брал мои сигареты?

– Одну или две, – говорит он смущенно и показывает на свой рабочий стол. Я иду туда и вижу пустую пачку. Беру ее и швыряю ему в голову.

– Хочешь, поедem со мной на заправку? – спрашивает меня Рикки, держа в руке шлем. – Мне надо залить бензин.

– Спасибо, Рикки.

Мы выходим из гаража, Рикки кладет руку мне на поясницу, и я мгновенно вспоминаю об Алексе Линде на балу, как галантно он уводит Лилию в безопасное место. Как бы мне хотелось об этом забыть. Не то чтобы я ревновала, просто у меня сводит живот из-за нехватки хлопьев на завтрак. Интересно, он просто вежлив с ней или втюрился? Хотя мне наплевать. Я забираюсь на байк за спину Рикки и вжимаюсь в него изо всех сил так, что наши тела становятся очень близко друг к другу.

Он поворачивает голову и, перед тем, как надвинуть на глаза стекло шлема, говорит низким голосом:

– Ты меня просто убиваешь. Понимаешь?

Я вижу свое отражение и понимаю, что выгляжу очень сексуально. Подмигиваю и одариваю его невинным взглядом.

– Вперед! – командую я. И он заставляет свой мотоцикл взречься, чтобы покрасоваться передо мной.

По правде говоря, если я хочу парня, то его получаю. Это касается и Алекса Линда.

Дороги почти пустые, когда солнце заходит за серый горизонт. Вот так на Джар Айленд приходит осень. Почти половина летнего населения разъезжается. Конечно, есть чудики, которые приезжают полюбоваться природой и все такое, но, как ни крути, наступает мертвый и депрессивный сезон. Большинство ресторанов и магазинов уже закрыты до следующего года, а я жду не дожусь, когда в будущем году уеду и буду в другом месте. Хорошо, если это будет в Огайо, в уютном студенческом общежитии в Оберлине. Хотя я буду чувствовать себя отлично в любом месте, кроме Джар Айленда.

Пока Рикки заправляет байк, покупаю в магазине при заправке пачку сигарет. Курение обходится дорого, надо бы бросить, чтобы сэкономить деньги для колледжа. Возвращаюсь к мотоциклу и замечаю на дороге съезд к Мидлбери, к дому Мэри.

– Эй, Рик, ты торопишься назад?

Он усмехается.

– И куда мы поедem?

Я показываю на дорогу, которая ведет к дому Мэри. Дверь никто не открывает, даже ее странная тетя. Из почтового ящика выглядывает куча корреспонденции, а лужайка заросла почице нашего Шэпа. Я обхожу дом, поднимаю с земли камень, чтобы бросить в окно Мэри на втором этаже. В ее комнате темно, а шторы задернуты. Я проверила остальные окна. Ни в одном из них не горит свет. Дом выглядит, скажем так, жутковато. Камень выпадает из моей руки.

Хорошо бы мне поговорить с Мэри хоть пару секунд. Мне кажется, ей стало бы легче. Мэри совершенно не за что чувствовать себя виноватой. Этот паршивец получил по заслугам. Она должна заняться собственной жизнью, не тратя ни секунды на Рива Табатски.

Мэри

Два дня напролет я проплакала. Не могла ни есть, ни спать, ничем другим заниматься.

Слышу, как тетя Бэтт в ванной умывается и чистит зубы. Это ее ежедневный ритуал. По дороге в спальню она останавливается рядом с моей комнатой, халат плотно завернут вокруг талии, а подмышкой куча газет.

Я лежу на своей скомканной кровати, гляжу в потолок и не могу даже заставить себя пожелать ей спокойной ночи.

Тетя Бэтт стоит у двери и смотрит на меня несколько секунд.

– В сегодняшней газете есть статья. – Она протягивает. На первой полосе репортаж о несчастном случае во время танцев, о том пожаре. На фотографии черный дым валит из окон спортзала, толпа подростков выбегает из дверей. – Они считают, что во всем виновато короткое замыкание.

Я отворачиваюсь от нее к стене, мне не хочется говорить об осеннем бале. И думать о нем не хочу. Миллион раз прокрутила у себя в голове, как и почему все пошло не так.

В тот вечер я почувствовала себя готовой ко встрече с ним. Я была в красивом платье, гордая, сильная, изменившаяся. Представляла, как это могло произойти. Рив будет не в себе и непременно заметит меня в толпе. Что-то во мне покажется ему знакомым. Его ко мне потянет. Ему покажется, что я прекрасна.

Как только наши взгляды пересекутся, я дотронусь до кулона, который он подарил мне на день рождения, улыбнусь и подожду, пока он догадается, кто я такая. А тем временем учителя будут видеть, что поведение Рива становится все более неадекватным, они почувствуют неладное. И как только до него дойдет, кто я, его схватят, отведут в администрацию школы и накажут, как он того заслуживает.

Но ничего подобного не случилось.

Рив узнал меня, как только увидел, несмотря на то, что я так изменилась с седьмого класса. Он сразу узнал ту самую толстую дуреху, которая с чего-то вообразила, что он ее друг. Рив увидел Большое яблоко.

Услышать такое было для меня ударом под дых, как будто он снова толкнул меня в темную и холодную воду. Я навсегда останусь для него такой. И никем больше. Я так разозлилась и сорвалась с катушек.

– Парень, который получил травму, оказывается, лучший футбольный игрок школы.

– Его зовут Рив. Рив Табатски, – спокойно отвечаю я.

– Знаю. – Тетя подошла ближе. – Это тот мальчик, который тебя обидел?

Я не отвечаю, лишь крепко сжимаю губы.

– Мы с тобой говорили о нем за чашкой горячего шоколада, когда я приезжала к вам на Рождество. Помнишь?

Помню. Надеюсь, что тетя сможет дать мне хороший совет, как сделать, чтобы Рив всегда вел себя со мной так, как на пароме, в окружении других людей. Я думала, что она меня понимает. Но тетя Бэтт лишь попросила в следующий раз, когда Рив станет унижать меня при других, пойти и пожаловаться учителям.

– Это научит его держаться от тебя подальше.

Подальше? Именно этого мне и не хотелось больше всего.

Именно тогда я узнала, что взрослые ничего не понимают. Ни до кого так и не дошло, какие отношения нас с ним связывают.

Я слышу, как тетя Бэтт рядом с моей кроватью делает несколько судорожных вздохов.

– И ты тогда...

Я поворачиваюсь к ней.

– Что я тогда? – вырывается у меня помимо воли. Неужели она не видит, я не в настроении с ней разговаривать?

Тетя с удивлением смотрит в мою сторону:

– Ничего, – отвечает она и выходит из комнаты.

Я больше не могу сдерживаться. Встаю, накидываю на плечи поверх ночной рубашки свитер, влезая в тапочки и выхожу через заднюю дверь.

Я иду по Главной улице к скалам. Всегда любила стоять на вершине одной из них – той, с которой можно было смотреть вдаль.

Но сегодня была одна темнота. Темнота и покой, как на краю света. Я передвигаю ноги, пока кончики тапок не начинают висеть над краем. Из-под ног вылетает несколько камней и я не слышу, как они падают в воду. Их падение будет продолжаться вечно.

Вместо этого у меня в голове звучит голос Рива на осеннем балу: «Большое яблоко». Этот голос раздается снова и снова, как эхо.

Я сжимаю кулаки и пытаюсь прогнать из головы мысли о том, что сейчас произойдет. Но это не работает. Никогда не работало.

Как и в тот раз, когда Ренни упала с вершины пирамиды.

И когда замки на всех шкафчиках вдруг разом открылись.

Со мной явно не все в порядке. Я чувствую себя сломанной.

Облако перестало закрывать луну, как будто поднялся театральный занавес. Ее свет отразился на поверхности мокрых скал, и все вокруг заблестело. Впереди виднеется узкий проход между скалами, ведущий вниз. Я иду до самого края тропинки и опускаю взгляд. Далеко внизу волны с шумом разбиваются о камни, поднимая в воздух снопы брызг.

Еще один шаг, один шаг, и все кончится.

Все, что наделала я и что сделали со мной, смоят волны.

Неожиданно порывом ветра меня толкает почти к самому краю. Я падаю на колени и ползу назад.

Меня не отпускает лишь одно – Рив.

Я люблю его, несмотря на все, что он мне сделал, и не знаю, как избавиться от этой любви. Но самое печальное – я не знаю, хочу ли этого.

Через неделю

Глава первая. Мэри

Когда утреннее солнце врывается в мою комнату сквозь окно, что-то подсказывает мне встать с кровати, а не перевернуться на другой бок лицом к стене, как делала всю эту неделю. Я знала, что мне все равно придется когда-нибудь пойти в школу, но не находила в себе достаточно сил и оставалась в кровати.

Сегодня, сама не знаю почему, что-то изменилось. Какое-то предчувствие, что мне обязательно нужно там быть.

Я причесываюсь, надеваю вельветовую толстовку, юбку на пуговицах и вязаный кардиган. Нервничаю из-за того, что увижу Рива, из-за того, что снова произойдет что-то плохое. А еще я пропустила столько занятий и даже не притрагивалась к домашним заданиям. Учебники и тетради так и лежат в застегнутом на молнию рюкзаке в углу комнаты. Я поднимаю его за одну лямку и перекидываю через плечо. Меня не волнует, как буду наверстывать пропущенное, что-нибудь придумаю.

Берусь за дверную ручку и пытаюсь ее повернуть, но та не двигается.

В нашем доме такое случается, особенно летом, когда древесина разбухает от влаги. Дверь и замок с большой стеклянной ручкой на медной пластине с замочной скважиной старинные, таких больше не купишь.

Обычно достаточно слегка покачать ручку из стороны в сторону, чтобы замок поддался. Я пытаюсь сделать это, но по-прежнему без результата.

Тетя Бэтт? – кричу я. – Тетя Бэтт! – И снова пытаюсь открыть дверь, тряся ее изо всех сил. Меня начинает охватывать паника.

– Тетя Бэтт! Помоги мне!

Наконец я слышу ее шаги на лестнице.

– Что-то случилось с дверью! Она не открывается! – кричу я и снова кручу ручку, чтобы она сама это увидела. По ту сторону двери – тишина. Тогда я опускаюсь на колени и смотрю в замочную скважину: мне надо знать, что она все еще там. Она там. Я вижу ее мятую коричневую юбку. – Тетя Бэтт, пожалуйста!

В конце концов, она начинает шевелиться. Слышу, как тетя Бэтт сражается с дверью, а затем распахивает ее настежь.

– Слава богу, – говорю я с облегчением и только собираюсь выйти, как замечаю на полу что-то странное, похожее на белый песок или мел. Слева оно образует тонкую, идеально прямую линию, затоптанную перед дверью следами тети Бэтт.

Это что еще такое?

Я собираюсь нагнуться и потрогать, но почему-то боюсь.

Тетя Бэтт вечно занимается какими-то странными вещами: то окуривает себя дымом, то смотрит в магический кристалл, то пропускает сквозь себя какие-то энергии. Из всех поездок она привозит множество брелоков и амулетов. Я прекрасно знаю, что все это не представляет никакой опасности, но все равно показываю пальцем на мел и спрашиваю:

– Что это?

Тетя Бэтт с виноватым видом отвечает:

– Ничего особенного. Я... я потом это уберу. – Киваю, дескать, все в порядке, и обхожу ее.

– Вернусь через несколько часов.

– Постой, – говорит она встревожено, – куда ты собралась?

– В школу, – вздыхаю я.

Слабым дрожащим голосом она мямлит:

– Лучше бы тебе остаться дома.

Отлично. Неделя была для меня не слишком простой, я это осознаю. Я бесцельно слонялась по дому и все время плакала. Но с тетей Бэтт ничего подобного не происходило. Она мало спала, бродила и вздыхала про себя. На улицу тоже не выходила и почти не рисовала, что меня больше всего беспокоило. Когда тетя Бэтт пишет картины, она счастлива. Будет лучше, если я всего на день оставлю ее, – так мы хотя бы немного отдохнем друг от друга.

– Не могу же вечно оставаться дома. – Я должна прислушаться к своему внутреннему голосу, который будто подталкивает меня идти. – Сегодня иду в школу, – повторяю я уже без улыбки и спускаюсь по лестнице, не дожидаясь ее разрешения.

К тому времени, как я добралась до школьной велосипедной стоянки, солнце уже скрылось, небо стало серым и покрылось клочковатыми облаками. На парковке было пусто. Стояло лишь несколько автомобилей учителей и фургоны электриков. После случившегося на осеннем балу в школе полностью меняют проводку. Все электрики Джар Айленда работали круглосуточно, чтобы быстрее закончить.

Я страшно рада, что приехала раньше всех. Мне нужно время, чтобы адаптироваться.

К своему удивлению, замечаю, что за мной бежит Лилия. Она в плотно застегнутой на молнию куртке, на голове капюшон. Здесь с каждым днем становится все холоднее.

– Привет, – смущенно произношу я, пристегивая замок к велосипеду. Мы встречаемся в первый раз после осеннего бала. – Ты сегодня рано.

– Господи, как же я рада тебя видеть, Мэри! – Я ничего не отвечаю. Она хмурится. – Ты что, на меня злишься? Ты не звонила, была вне зоны доступа. Я нашла в телефонной книге номер твоей тети и пыталась дозвониться, но никто не брал трубку. Кэт несколько раз заезжала к тебе домой, но и дверь никто не открыл.

Конечно, глупо было бы думать, что Лилия и Кэт не заметят, что я их избегаю. Мне просто не хотелось видеть никого из школы. Здесь нет ничего личного.

– Прости, – говорю я, – просто все это было для меня слишком...

– Ладно, я поняла. Раз уж так получилось, даже хорошо, что мы вдвоем залегли на дно, – говорит она с грустью. – Кстати, а ты слышала, что Рив сегодня возвращается в школу?

Меня будто обухом по голове ударило. Неужели предчувствие, что мне сегодня обязательно нужно быть здесь, появилось потому, что и Рив тоже придет в школу?

– Как он? В газетах писали, что сломал ногу.

Лилия процедила сквозь зубы:

– С ним все в порядке. Но, кажется, до конца сезона он на поле не выйдет. – Уловив что-то в выражении моего лица, она энергично затрясла головой и добавила: – Не волнуйся, все будет хорошо. – Она сделала шаг вперед, собираясь уходить. – Позже поговорим, ладно? Я по тебе скучала.

Рив сломал ногу. И все из-за меня.

Я добила, чего хотела.

Разве не так?

Он скоро будет здесь, и я бегу в школу. Почти в каждом классе в стенах зияют огромные дыры под проводку. Мне приходится быть осторожной, чтобы идти, вернее, лавировать между грудями проводов, разложенных по полу в школьных коридорах.

Я иду в класс и сажусь на батарею, натянув под себя край вельветовой толстовки. На колени кладу учебник, но не для того, чтобы читать. Я в него даже не смотрю. Мой взгляд сквозь свесившиеся волосы устремлен на парковку, где собираются ученики.

В эти выходные температура впервые опустилась ниже нуля – надеюсь, дворники не забыли перекрыть воду в фонтане во дворе школы. Только курильщики и бегуны готовы выдерживать такой холод – все остальные устремились внутрь здания.

Я слышу сквозь окно низкое рычание. Это к школе приближается кроссовер Алекса. Он паркует его на стоянке для инвалидов, рядом с дорожкой. Алекс вылезает из машины, обходит ее спереди и открывает пассажирскую дверь.

Все, кто находятся в школьном дворе, поворачивают головы. Они наверняка тоже в курсе, что он сегодня придет.

Рив ставит здоровую ногу на тротуар. На нем сетчатые баскетбольные шорты и худи с логотипом футбольной команды Джар Айленда. Алекс протягивает ему руку, но Рив игнорирует ее и, держась за дверь, вытаскивает вторую ногу. На ней по всей длине, от бедра до пятки, белая гипсовая повязка.

Пока Алекс достает из багажника костыли, Рив балансирует на одной ноге. Сзади выскакивает Ренни и хватает с пассажирского сидения рюкзак Рива. Рив знаком показывает, что хочет нести свои вещи сам, но Ренни трясет головой, и хвостик на ее голове болтается из стороны в сторону. Он сдается и ковыляет к школе так быстро, насколько это возможно на костылях. Друзья за ним еле поспевают.

К Риву устремляются двое малышей и с улыбкой от уха до уха говорят: «Привет!». Однако смотрят они только на ногу. Один с ручкой в руке приседает и пытается расписаться на гипсе. Рив не останавливается, он опускает голову, притворяясь, будто их не замечает, и продолжает идти вперед.

Как всегда, каждый хочет заполучить себе кусочек Рива. Но у большинства ничего не получается.

Однажды и у меня будет возможность получить его.

Глава вторая. Лилия

Я почти заканчиваю решать уравнение, как в дверь класса кто-то стучит. Это школьная секретарша миссис Гарднер в совершенно безобразном пиджаке синего цвета, слишком длинном и большом для нее, с огромными золотыми пуговицами. Складывается впечатление, что еще в 1980-х она позаимствовала его из гардероба мужа. Я считаю, что низеньким женщинам вообще противопоказано носить пиджаки, разве что укороченные и с рукавами три четверти.

Ну да ладно. Я снова склоняюсь над своим уравнением из задачи с производными. Это совсем не сложно, хотя все в прошлом году твердили, что математика – самый сложный предмет.

Но миссис Гарднер кладет на мой стол желтый листок, сверху на нем написано: *«Лилия Чоу. Явиться в методический кабинет»*. В самом низу в графе, предназначенной для времени, указано: *«Немедленно»*.

Я напрягаюсь. Закинув волосы за плечи, собираю вещи в рюкзак, иду к двери и замечаю, что на меня смотрит Алекс. Беззаботно пожимаю плечами. *Ерунда какая-то. Что это может значить?*

Я быстро иду по коридору. Если бы кто-то догадался, что я сделала Риву во время танцев, меня бы вызвали к директору, а не в методический кабинет.

Мистер Рэндольф с самого начала обучения был моим наставником. Он не такой уж и старый – получил диплом об окончании колледжа всего десять лет назад. Я проверяла. Мне он казался вполне симпатичным, во всяком случае, до тех пор, пока не начал лысеть. Его родители – владельцы конюшни, где мы содержим моего коня Фантома. Там все увешано памятными табличками и медалями за скачки, в которых он участвовал.

На мгновение останавливаюсь у двери. Он разговаривает по телефону, но машет рукой, приглашая войти.

Сажусь и прокручиваю в голове то, что скажу, если он начнет меня обвинять. Я вскину голову и выдам нечто вроде: «Минуточку, мистер Рэндольф, с чего вы решили, что я могла так поступить? Рив – один из моих ближайших друзей. Это уже несмешно! Я даже не знаю, что вам ответить!» Потом я сложу руки на груди, умолкну и буду молчать, пока не придет мой адвокат.

Мистер Рэндольф изображает обеспокоенность и скребет пальцами лысину. Интересно, а вдруг причина его раннего облысения в том, что он постоянно находится в стрессе и целыми днями трет голову?

– Да-да, хорошо, спасибо. – Он кладет трубку и делает глубокий вдох. – Почему ты нервничаешь, Лилия?

Я выдавливаю из себя улыбку.

– Здравствуйте, мистер Рэндольф.

– Что-то ты в последнее время не заглядываешь в конюшню. Неужели подумываешь продать коня?

– Что вы! Я Фантома никогда не продам!

Мистер Рэндольф смеется.

– Знаю, знаю. Но если вдруг передумаешь, ты знаешь, кому звонить, не так ли?

Я киваю, хотя знаю, что никогда в жизни не расстанусь с Фантомом. И никогда не позвоню.

– Да.

– Итак... Я тут заглянул в журнал с твоими оценками. Они превосходны. К выпуску ты вполне можешь стать второй по показателям.

У меня словно гора с плеч упала.

– Ух ты! Здорово! Папа будет счастлив.

Мистер Рэндольф открывает папку с моим именем на обложке. Думаю, что он собирается сообщить мне, какое место в классе я занимаю, но он говорит:

– И тем не менее я тут заметил, что ты до сих пор не сдала экзамен по плаванию.

– А-а.

С тех пор как в школе Джар Айленда был построен крытый бассейн, все ученики должны сдавать тест по плаванию. Без него аттестата не получить.

– Если только здесь нет какой-то ошибки.

Я откидываюсь на спинку стула.

– Нет, все верно. Я его не сдавала.

Он качает головой.

– Ты понимаешь, что без экзамена по плаванию ты не выступишь?

– Если только у меня не будет справки от врача, да?

Он удивлен. Удивлен и расстроен.

– Да, так. Если ты не принесешь справку. – Он закрывает папку. – Неужели тебе не хочется научиться плавать, Лилия?

– Я знаю, что делать, чтобы не утонуть, мистер Рэндольф, – заверяю я его. – Просто плавание – не мое.

Он смотрит на меня с насмешкой.

– Это важное умение, Лилия. Особенно для девушки, которая живет на острове. Однажды это поможет спасти жизнь тебе или другому человеку. Обещай, что подумаешь.

Я подумаю, обязательно подумаю о том, как попросить папу написать мне справку. И если у него не получится, я уверена, что Кэт ее из-под земли достанет.

По пути в класс замечаю, как кто-то из учеников прикрепляет кнопками к октябрьскому календарю нарисованные на бумаге тыквы. С тех пор как мы с Кэт и Мэри договорились в женском туалете действовать вместе, прошло чуть больше месяца. Что бы ни свело нас вместе – судьба или счастливый случай, – я рада, что так получилось.

Мы сидим за одним обеденным столом. К Риву то и дело кто-то подходит, чтобы расписаться на гипсе. Рив, которого я всегда знала, упивался бы каждым мгновением своей славы, но этому парню внимание публики было безразлично. Он хотел лишь одного: до бесконечности обсуждать план своей физиотерапии с Ренни. Склонившись друг к другу, они шепчутся на другом конце стола. Нога в гипсе лежит у Ренни на коленях.

– Пока я в жесткой гипсовой повязке, мне нужно сфокусироваться на верхней части тела: грудные мышцы, бицепсы, трицепсы, спина и пресс. Надо подкачать все, что выше пояса. Потом, через три недели, максимум через месяц, когда гипс сменят на лангету, буду тренироваться в воде.

Я заморожено смотрю, как он расправляется с двумя сваренными на пару куриными грудками и огромным пакетом тертой моркови и шпината. Он поглощает еду как пылесос.

– Вчера вечером я заказала тебе спасательный пояс, – говорит Ренни. – Его доставят к концу недели.

Алекс, наклонившись вперед, уговаривает Рива прийти на пятничный футбольный матч, но, разумеется, самовлюбленный Рив отказывается.

– Да ладно тебе, Рив, – говорит Алекс. – Сам знаешь, как это важно для поднятия духа. Парни до поноса боятся, что Фредингтона снова поставят нападающим.

– Это потому что у Фредингтона бросок дерьмовый, – говорит Дерек с набитым пиццей ртом.

Это правда. Наша первая игра без Рива в пятницу обернулась полной катастрофой. Мы проиграли второй с конца команде в нашей подгруппе.

– Нам тебя не хватает, парень, – подает голос Пи-Джей. – Может, дашь Фредингтону несколько советов?

– Да, – подхватывает Алекс, – тебе же не нужно будет надевать форму, просто посидишь у боковой линии. По-моему, это будет совсем другое дело. – Рив залпом допивает свой протеиновый коктейль и, вытерев рот, продолжает. – Теперь, парни, вы сами по себе. Больше я не буду с вами нянчиться, мне нужно позаботиться о своем здоровье. Если не восстановлюсь, то не смогу выйти на поле следующей осенью.

– Но ты все еще капитан нашей команды, – напоминает ему Алекс.

– Я должен сосредоточиться на выздоровлении, – говорит Рив. – В девять у меня отбой, а с полшестого начинаю тренировку. Думаешь, у меня есть время для того, чтобы переться на футбольный матч?

– Просто подумай об этом, – настаивает Алекс. – Тебе не нужно ничего решать именно сегодня. Посмотрим, как ты себя будешь чувствовать в пятницу вечером.

Мне до спазмов в животе невыносимо смотреть, насколько терпелив Алекс к выкрутасам Рива. На его месте я бы давно послала Рива к черту.

С сожалением покачивая головой, Дерек говорит:

– Черт, приятель, не могу поверить, что такое с тобой случилось. Я-то надеялся, что следующей осенью буду смотреть по ESPN¹, как ты зарабатываешь тачдаун.

Рив сует в рот полную вилку салата и, с трудом пережевывая, отвечает:

– Еще увидишь. Не надо сбрасывать меня со счетов.

– Да, Дерек, – говорит Ренни, сверля его глазами, – отныне здесь не место для негативных эмоций. Только позитивное мышление!

Рив отодвигается от стола и поднимается на костыли.

– Ты куда? – спрашивает его Ренни.

– В туалет.

Он ковыляет прочь, а Ренни смотрит ему вслед ястребиным взглядом, готовая при малейшей необходимости броситься к нему на помощь. После того как Рив скрывается из виду, она оглядывается по сторонам, убеждается, что ее никто не подслушивает, и говорит Эш:

– Он так мужественно себя вел! Чуть ли не плакал в моих объятиях, когда узнал, что колледж в Алабаме от него отказался. Он так на него надеялся, умолял тренеров разрешить ему посидеть на скамье запасных в первый сезон! – Она прикрывает глаза и касается щек. – Они считают, что он не сможет вернуться в былую форму. Не могу дождаться, когда он докажет этим идиотам, как они ошибались! – Ренни делает глоток содовой. – Конечно, после всего, что случилось, он может и не попасть в школу первого дивизиона, но любой из колледжей второго и третьего будет счастлив видеть его в своей команде.

– Ты снова ночевала у него дома? – шепчет Эш.

Снова? Неужели она проводит ночи у него дома? Я охотно допускаю, что Пейдж разрешила бы ей остаться в доме у мальчика, но родители Рива всегда казались мне очень консервативными. Они каждое воскресенье ходят в церковь, а Рив даже называет своего отца «сэр».

– Я единственная, кто помогает ему держаться в такой момент, – пригладив волосы, отвечает Ренни.

– Так вы наконец ОП? – спрашивает у нее Эш.

– А что означает это ОП? – вслух интересуюсь я.

– Официальная пара, – отвечает Ренни, закатывая глаза, как будто я круглая идиотка. При этом она на меня даже не смотрит. – Нет. Пока мы этого не сделали, ему не до того. Я просто хочу быть рядом. Это все, что ему нужно в настоящий момент. – Ренни встает и

¹ ESPN Inc. – американский конгломерат спортивных СМИ, принадлежащий Disney Media Networks. Он владеет различными видами спортивного вещания, включая кабельные каналы, спортивную радиосеть, сопутствующий веб-сайт и другие активы.

начинает собирать вещи. – Я буду ухаживать за ним. – Она наклоняется и чмокает Эш в щеку. – Пока, Эш, пока, Пи-Джей, пока, Дерек.

Даже не взглянув на меня, она удаляется. Похоже, никто так и не заметил, что она попрощалась со всеми, кроме меня.

Это началось сразу после осеннего бала, и с каждым днем становилось все хуже. Я уверена, что Ренни на меня злится. Да что там злится, просто ненавидит.

Как только дверь за ней закрылась, я задаю Эш вопрос:

– Ренни что-нибудь говорила обо мне?

Эшлин ерзает на стуле, старательно избегая моего взгляда.

– Что ты имеешь в виду?

– После осеннего бала она ведет себя как самая настоящая стерва. Это из-за того, что меня выбрали королевой бала, а не ее? – Прикусываю нижнюю губу. – Да отдам я ей эту дурацкую корону, если она ей так нужна.

Эш в конце концов поднимает на меня взгляд.

– Лил, дело не в этом. Ты поцеловала Рива прямо на сцене.

У меня отвалилась челюсть.

– Эш, я была против! Он меня просто принудил. Сама знаешь, он мне даже не нравится!

И кстати, с чего это она злится на меня, а не на Рива?

Эш сочувственно пожимает плечами.

– Он ее первая любовь. Он ее Риви. Она готова простить ему все что угодно.

– Но это несправедливо, – шепчу я.

– Попроси у нее прощения, – советует мне Эшлин. – Скажи, что Рив тебя никогда не интересовал.

Я хмурюсь и плюхаюсь на стул.

– Может, стоит попробовать, хотя сомневаюсь, что это поможет.

– Это мысль, – говорю я, – попытаюсь.

Глава третья. Мэри

В пятницу я выхожу из школы и вдруг слышу, как на парковке кричит Кэт. Крик не испуганный, а, скорее, игривый. Я оглядываюсь и в нескольких десятках метров вижу, как Кэт с сигаретой в зубах пытается снять с какого-то парня фланелевую рубашку.

Парень кажется мне знакомым. Не знаю его имени, но часто вижу, как он слоняется рядом со школой. По-моему, у него нет уроков. А если есть, то учителя, видимо, смотрят сквозь пальцы на его посещаемость.

Кэт вполне может претендовать на членство в команде рестлеров Джар Айленда. Она такая изыщная. Подпрыгивает на цыпочках и извивается, пытаясь сдернуть рубашку с головы парня. Наверняка этому ее научил брат Пэт.

Парень тоже не стоит на месте, но, похоже, не знает, как давать отпор девчонке. Видно, что Кэт берет над ним верх. Не ослабляя напора, тянет и дергает рубашку, пока та почти полностью не оказывается у нее в руках. Она тычет его в ребра, сдергивает резинку с довольно длинных, до плеч, волос. Очень скоро в руках парня остается лишь кончик рукава.

Кэт упирается ногами, как будто готовится играть в перетягивание каната, и поддразнивает его:

– Если не отпустишь, я тебя на клочки порву, Дэн.

– Ладно-ладно, – соглашается Дэн. Вот как, оказывается, его зовут.

Кэт выпускает победный вопль и крутит рубашку над головой, как лассо.

– Это тебе урок на будущее, Дэн. Когда я чего-то хочу, я это получаю. И точка.

Лицо парня краснеет. Я начинаю смеяться. Она просто сумасшедшая.

Кэт, наверное, слышит меня, поскольку тут же поворачивается и слегка ведет подбородком. В ответ улыбаюсь и готовлюсь сесть на велосипед, чтобы ехать домой, но тут Кэт делает нечто неожиданное.

Она поднимает палец, делая мне знак, чтобы я ее подождала.

Все происходит так быстро, что я решаю, будто это мне только показалось. Ведь раньше такого никогда не было. На людях мы делали вид, что не знаем друг друга. Наверное, теперь уже можно не притворяться, раз наш план мести выполнен, но все равно достаю из рюкзака учебник по английскому и начинаю его перелистывать, чтобы не выдать себя. Вижу, как Кэт гасит сигарету.

– Ладно тебе, Кэт, отдай обратно.

Кэт натягивает рубашку поверх свитера.

– Мне хочется ее поносить. Обещаю, что верну в понедельник. И тогда ты будешь пахнуть мной.

Он делает вид, что сердится, но я чувствую, что она ему нравится, иначе так быстро бы он не сдался.

– Хочешь, подброшу тебя до дома?

– Не-а, хочу прогуляться. Можно стрельнуть у тебя еще одну сигаретку? – Она не ждет, пока он ее достанет, сама вынимает сигарету из пачки и сует за ухо.

Потом разворачивается и направляется к велосипедной дорожке.

Я кладу учебник в рюкзак и, толкая велосипед, медленно иду вперед, чтобы Кэт меня догнала. Вдруг нам и сейчас нужно вести себя осторожно.

– Ты как, держишься, Мэри? – спрашивает она, подходя ближе.

– Да, – отвечаю я и вздыхаю, – все в порядке.

– Видела Рива на этой неделе?

– Нет. – Я заправляю волосы за уши и опускаю глаза. – Знаешь, говорят, что Рив может не получить футбольную стипендию из-за травмы. – Как только эти слова слетают с моих губ, чувствую, как они начинают дрожать. – Это правда?

Кэт пожимает плечами.

– Может, да. А может, и нет, кто знает? Он же не остался без ноги. Это всего лишь перелом. И не самый сложный. Мой брат как-то упал с мотоцикла и сломал бедро. И теперь левая нога у него на целых два с половиной сантиметра короче правой. – Голос Кэт достаточно серьезный. Чувствую на себе ее пристальный взгляд, будто она ждет, что я сейчас разрыдаюсь. Поднимаю подбородок и слабо улыбаюсь, хотя на глаза наворачиваются слезы.

Кэт отворачивается первой. Она сходит с дорожки и срывает с низко висящей ветки целую охапку сухих листьев.

– Все будет хорошо. Верь мне. Рив что-нибудь придумает. Все подростки как-то выкручиваются.

Киваю. *Да, конечно.* Что еще могу сказать в ответ. Я тоже как-то выкрутилась. Мне удалось пережить эту неделю. Это уже кое-что.

Решаю, что будет лучше, если сменю тему.

– Что это за парень, с которым ты разговаривала? – спрашиваю я Кэт. – Он тебе нравится?

– Брось, Дэн? – Она закатывает глаза. – Мэри, мне не нужны никакие драмы с парнями, когда мне осталось жить на острове всего семь месяцев. Он просто мое временное лекарство от скуки.

Если бы это было так просто. Найти парня, который бы мне понравился и которому понравилась бы я. У Кэт большой опыт по этой части, а я еще даже не целовалась. Возможно, потому что в глубине душ все еще сохну по Риву, надеюсь, что когда-нибудь он поймет, что я его достойна.

Вот опять. Думаю о Риве, хотя изо всех сил стараюсь этого не делать. Это как болезнь.

– Что ты делаешь сегодня вечером, Мэри? – И прежде чем успеваю ответить, Кэт говорит: – Я еду на материк в музыкальный магазин моей подруги, на концерт. Там будет группа «День Собак», которая играет деткор. Они станут исполнять такие композиции, где будут что-то спрашивать и нужно кричать им в ответ изо всех сил. Я уже знаю, что горло у тебя тренированное, – шутит она, напоминая, как я кричала тогда, во время бала, но никто из нас не смеется. – Тебе обязательно нужно со мной поехать. Это может быть полезно. Пора освободиться от всякой гадости, которая в тебе накопилась.

Я понятия не имею, что такое деткор, но мне приятно ее приглашение. Давно пора перестать принимать все близко к сердцу.

– У меня куча уроков, и нужно нагнать то, что пропустила. Я еще долго не смогу никуда ездить.

Кэт какое-то время смотрит на меня, складывая два и два, потом поворачивается против ветра и пытается прикурить.

– Ладно, Мэри. Я знаю, что после бала ты была в депрессии. Иногда все может идти не так, как планируешь. Я знаю, как это тяжело. После того, как умерла мама, я шесть месяцев не разговаривала. – Она делает несколько затяжек и смотрит на кончик сигареты, проверяя, горит та или нет. – Ты ведь знаешь о моей маме?

Киваю. Вроде бы Лилия вскользь упоминала об этом. Рак. Но сама Кэт ничего мне не рассказывала. В глубине души я была счастлива, что она делится со мной личным.

– Я догадывалась, что знаешь, но мне хотелось удостовериться. – Она сделала глубокую затяжку и выпустила облако дыма. – В любом случае для меня было не слишком полезно замыкаться на такое долгое время. Нельзя же вечно быть печальной, да? Это не вернет маму. В какой-то момент нужно начать двигаться вперед.

Я останавливаюсь.

– Как это сделать?

Она сжимает сигарету губами и засовывает руки в карманы.

– Тебе нужно, не знаю... Ходить по каким-нибудь клубам или что-то в этом роде. Попробовать участвовать в школьной жизни, как-то занимать свое время до выпуска из школы.

– Какие клубы ты имеешь в виду?

Она кривится.

– Да не знаю, Мэри! Сама их не слишком люблю. Я имею в виду, что надо заниматься тем, что интересно. Тебе нужно саму себя из этого вытащить. Завести новых друзей, сосредоточиться на том, что делает тебя счастливой. Мне не хотелось бы, чтобы ты считала меня сволочью за мои слова, но тебе нужно уже начать жить, потому что до окончания школы еще целый год.

Из ее уст это звучит достаточно просто, и я ей верю.

– Ты права, – говорю я, – но это очень трудно.

– А не должно быть. – Кэт прислоняется к дереву. – Просто попробуй, не давай волю чувствам. – Она постучала себя в грудь. – Я вообще о своих чувствах не думаю. Знаешь, почему? Потому что, если я сяду и стану оплакивать все, что потеряла, то никогда не встану. – Ее глаза встречаются с моими, и она смотрит на меня пронизательным взглядом. – Клянусь, тебе полегчает. Просто нужно чем-то занять себя, чтобы время проходило быстрее.

Я плотнее заворачиваюсь в куртку. Кэт права, знаю. Это лучше, чем валяться в больнице после попытки самоубийства. Из-за Рива я потеряла там целый год жизни – не могу допустить, чтобы это случилось вновь.

– Спасибо, – говорю я, на этот раз от всего сердца. Сейчас все по-другому, сейчас у меня есть друзья, которым не все равно.

Я занимаюсь до тех пор, пока не устану смотреть на учебники, а потом иду гулять на Главную улицу. Паром швартуется к берегу, и первым с него съезжает автобус с футболистами. Окна его разрисованы номерами игроков и глупыми лозунгами типа «Утопим чаек!».

Черт!

По-моему, у нас сегодня матч.

Направляюсь к игровому полю. Я не планирую оставаться надолго, но на трибунах полно свободных мест. Болельщиков было вполовину меньше, чем во время осеннего бала. Наверняка из-за того, что команда потеряла ведущего игрока. Первую же игру после бала и травмы Рива мы проиграли. Позорно. Наш запасной квотербек, Ли Фредингтон, не смог выполнить ни одного прохода.

Группа чирлидинга собралась вместе и репетировала кричалку: «За-щи-та! За-щи-та!» Я подумала, что раз уж сейчас у нас нет достойного нападающего, мы будем слышать ее гораздо чаще, чем раньше. Остальные слоняются без дела у боковых линий, как на тренировке. Ренни сидит, скрестив ноги на траве и смотрит в телефон. Лилия с Эшлин у скамейки с игроками переговариваются между собой. Лилия видит меня и улыбается. Я улыбаюсь ей в ответ.

Комментатор объявляет команду противников, а группа чирлидеров строем идет к нашим воротам, чтобы встретить команду школы, когда та появится на поле. Шествие возглавляет Тереза Круз. Наверное, раз уж она идет в комплекте к Ли Фредингтону, статус у нее совсем другой.

Осознав это, Ренни встает прямо перед Терезой.

Первым из раздевалки выходит Рив. На нем все та же толстовка и теплые спортивные брюки, в которых он был на уроках. Как только он появляется, все встают и начинают аплодировать с гораздо меньшим энтузиазмом, чем в начале сезона. Аплодисменты куда более сдержанные, это больше похоже на любезность.

Рив старается идти, как можно быстрее на своих костылях, но они зарываются в землю, мокрую после дождей, которые шли не переставая всю неделю. Чем быстрее он пытается идти, тем глубже они увязают, и в итоге он замедляет ход.

Тут на поле выходят игроки во главе со своим лидером, Ривом. Они пытаются бежать, но Рив идет так медленно, что у него за спиной образовывается толпа. В этот момент откуда-то сбоку показывается Ли Фредингтон и проходит мимо Рива, как будто он – пустое место, и возглавляет шествие. Остальные, словно получив от Фредингтона разрешение, тоже обходят его. Рив оказывается в самом конце вместе с Алексом, Пи-Джеем, тренером и мальчишками, несущими воду для команды. Я вижу, как Рив становится все мрачнее. В какой-то момент он задевает носком поверхность поля и набирает под гипс грязи и травы. Лицо его становится таким пунцовым, что кажется, он вот-вот закипит.

Я перестаю хлопать и подсовываю ладони под себя. Как глупо. Наверняка это выведет меня из равновесия. Рив оказался совсем неподготовленным. Он не представляет, каково это – жить аутсайдером, когда так привык находиться в центре внимания. Мне больно на это смотреть. Кажется, будто солнце и луну свергли с небес и отправили жить к нам, простым смертным.

Я хотела, чтобы Рив попал в большие неприятности и потерял то, что делает его таким самоуверенным, благодаря чему он чувствует свое превосходство над остальными. В глубине души я знала: Рив заслужил того, что с ним случилось. Однако часть меня страстно желала, чтобы ничего не было и чтобы мы не сделали так, что он сломал ногу, чтобы усвоить урок.

Первую четверть матча, как и ожидалось, мы играли ужасно. Ли Фредингтон отбил мяч в самом начале второй четверти, но при первой же попытке прохода команда противника чуть не отобрала у него мяч. Наш тренер, взяв таймаут, начал орать на ребят, играющих в защите.

Я наблюдаю, как Рив зовет Ли Фредингтона к краю поля и что-то ему советует. Он это делает в течение всей игры, но Ли его почти не замечает и специально отводит взгляд. И не потому, что смущен. Он считает, что не нуждается в помощи.

За мгновение до окончания таймаута Ли Фредингтон подходит к Алексу, кладет руку на плечо и что-то шепчет. Рив, глядя на это, сжимает челюсть.

И вот уже наша команда возвращается на поле. Ли возглавляет нападение и после снэпа отводит руку, будто собирается самостоятельно бежать. В этот момент в зачетном поле Алекс обгоняет игрока противника. Ли кидает крученный мяч, и тот попадает прямо в руки Алекса. Тачдаун.

Я встаю и собираюсь уходить, и тут Пи-Джей зарабатывает дополнительное очко. Проходя мимо боковой линии, вижу, что наша команда чирлидеров выстраивается вдоль нее, чтобы поздравить футболистов с окончанием игры. Тереза Круз выступает вперед. Ренни хватается ее сзади за свитер.

– Что ты творишь?

– Ли сделал передачу, чтобы был тачдаун. Я должна поприветствовать его. – Ренни смотрит на нее как на идиотку. – Алекс заработал тачдаун. Это он принес нам очки.

Тереза фыркает от обиды.

– Но мы всегда в таких случаях приветствуем квотербека...

– Рив – наш квотербек. Ли – второсортная бездарь!

Ренни выходит на линию и славословит Рива так громко, что я вижу, как он съеживается на скамье.

Ренни думает, что знает, что именно ему нужно, но она не понимает главного. Он не хочет, чтобы на него кто-то смотрел. Уже не хочет. Ему нужно, чтобы его оставили в покое.

Я встаю и собираюсь домой. Так и сделаю, оставлю Рива одного. И не только это. Постараюсь выбросить из головы все мысли о нем, избавлюсь ото всех чувств. Это единственный выход.

Я захожу домой и вижу, что тетя Бэтт в гостиной. Комната погружена в темноту. Тетя сидит на полу в окружении зажженных свечей. Расплавленный воск застывает на кедровых досках лужицами. Если бы папа это увидел, то пришел бы в бешенство. Он всегда говорил, что эти полы – его любимая часть дома. Они сделаны из кедра, покрашенного в красивый нежно-розовый цвет.

– Я дома, – говорю я, входя в комнату.

Тетя Бэтт вздрагивает. Подойдя ближе, замечаю, что перед ней расстелена простыня, на которой разложены пучки сухих листьев и травы. Она раскладывает их по мешочкам и перевязывает каждый бечевкой.

Тетя Бэтт заканчивает завязывать очередной узел и произносит расстроено, как будто я прервала какой-то важный ритуал:

– Я и не знала, что ты ушла.

– Мне захотелось прогуляться, – ответила я и добавила: – Прости. – Хотя извиняться мне не за что было. Показав на мешочки, спрашиваю: – Что это такое?

Тетя Бэтт берет первую попавшуюся ветку, трет ее между пальцами.

– Сушеные травы.

Это похоже на розмарин или, может, тимьян? Я не знаю.

– Ладно, – говорю я. – Спокойной ночи!

Уже перед лестницей вижу миску с горящим травяным мешочком. От пламени цвета красноватого янтаря вьется дым.

Что происходит?

Голова начинает пульсировать от боли.

Кашляя, я зову тетю Бэтт:

– Ничего, что ты оставила эту горящую штуку в холле?

Я подумала, не слишком ли резка с ней, но все это было так странно, и я плохо себя чувствую.

Тетя Бэтт ничего не отвечает. Задерживаю дыхание, чтобы не отравиться дымом, аккуратно обхожу миску и поднимаюсь к себе.

Глава четвертая. Кэт

После разговора с Мэри у школы я иду домой, разогреваю в микроволновке обед для папы, заправляюсь миской каши и иду к парому. Солнце уже садится, и воздух становится холоднее. Я застегиваю до самого верха молнию на толстовке и натягиваю на голову капюшон. Уже несколько недель назад надо было бы переодеться в пальто, но то, что я купила в секонд-хенде в прошлом году, мне не нравится. Это настоящий морской темно-серый бушлат, но без подкладки. Шерсть колется, и я от нее чешусь. Если приеду пораньше, загляну снова в тот магазин – вдруг у них найдется для меня что-то получше.

Паромный причал выглядит совсем не так, как летом, когда парковка забита автомобилями и выстраиваются огромные очереди на посадку. Сейчас здесь пустынно, если не считать нескольких грузовиков и пары легковых автомобилей. Большинство знакомых сезонных рабочих уже уехали на материк, поэтому, вероятно, мне придется заплатить за билет. Подхожу к окошку кассы, но билетер, папин приятель, отказывается брать с меня деньги. Это здорово. Со мной такое случается довольно часто, но я всегда испытываю благодарность.

Если бы я села на смотровой палубе, то наверняка отморозила бы себе задницу, поэтому нахожу укромное местечко в кафе. За одним из столов, прихлебывая чай, сидят четверо пожилых мужчин. Они перелистывают книгу о птицах, пытаюсь найти тех, что встретились им сегодня. Я делаю музыку громче и закрываю глаза. Клянусь богом – лучше умереть молодой. Не могу даже представить, что когда-нибудь буду заниматься подобной ерундой.

И вдруг у меня свело живот от внезапного чувства вины, ведь я уже несколько недель не навещала Ким в ее магазинчик. Не была там ни разу после того, как мы слегка поссорились, когда мне нужен был принтер, чтобы распечатать слащавые до тошноты стишки Алекса для нашего плана мести. Я была так сосредоточена на его выполнении, что не пожертвовала для Ким ни минуты времени, хотя она так нуждалась в дружеской беседе.

Будем надеяться, она меня простила.

В секонд-хенде зимних пальто, к сожалению, не оказалось. На вешалках висело одно летнее тряпье от людей, которые решили почистить гардероб.

Я шла пешком целую милю к магазинчику Пола. «День собак» не появятся здесь до позднего вечера, но так даже лучше, ведь у нас с Ким будет возможность наверстать упущенное. Я заранее решила не вываливать на нее все дерьмо, которое со мной случилось, потому что сегодня ее очередь плакаться в жилетку. Может, у нее с Полом все и наладилось, а может, его жена так и не знает, чем они с ним занимаются. Надеюсь, что так.

Захожу в магазин и вижу за стойкой какого-то незнакомца, тощего парня с прической «рыбий хвост», тогда я отправляюсь прямо к двери в заднее помещение, где будет концерт, и пытаюсь войти. Там у сцены уже топчется несколько человек, пришедших заранее, чтобы занять удобные места. Кто-то хватается меня за руку.

– Билет стоит десять долларов.

Я оборачиваюсь и вижу Пола во всей красе. Он коротко подстригся и, кажется, еще больше пошел. На нем застиранная футболка с изображением «Секс Пистолс», узкие потертые джинсы и кеды из ткани. Он низковат, но в довольно хорошей форме. Ким рассказывала, что после того, как он бросил наркотики, Пол стал регулярно ходить в качалку. По всей видимости, когда-то у него были серьезные проблемы.

Но я все равно улыбаюсь, я ведь с ним уже не раз встречалась.

– Йоу, Пол!

Он не выпускает мою руку.

– С тебя десять долларов.

Я вырываюсь и в поисках Ким заглядываю в звуковую кабину. Но там пусто.

– Ты что, оглохла?

– Где Ким? – спрашиваю я грубовато.

Пол выглядит огорошенным.

– Ты знаешь Ким?

– Она моя хорошая подруга.

Он складывает руки на груди.

– Она здесь больше не работает.

– Что? Почему это?

– Она обокрала магазин, и я ее уволил.

Я прищуриваюсь и выплевываю ему в лицо:

– Ты лжец!

– Что?

– Ты меня слышал. – Меня трясет от злости. – Ты лжец. Ким бы никогда тебя не обокрала. – Я это знаю наверняка. Она никогда-никогда бы не стала воровать у Пола. Кимтак вкалывала тут. Она любила музыку и его, Пола.

Он тычет пальцем чуть ли не мне в лицо.

– А как назвать то, что она бесплатно пускала кого ни попадя на концерты? Когда ты в последний раз покупала билет?

– Ты вонючий ублюдок, – говорю я так громко, что стоящие у сцены люди начинают оглядываться. – Ты трахаешь своих сотрудников, а когда тебя выводят на чистую воду, увольняешь.

Пол презрительно фыркает, но я вижу, что он в бешенстве.

– Ладно, детка, пошла вон отсюда! – Пол вытягивает татуированную руку и начинает делать знаки своему вышибале Фрэнку, стоящему у большого усилителя. Тот не спеша подходит к нам. Фрэнк явно не испытывает радости от того, что ему придется меня выгнать.

– Надеюсь, твоя жена знает, какой урод ее муженек! – кричу я изо всех сил. – Буду просто счастлива рассказать ей об этом лично!

– Пошли, Кэт, – говорит Фрэнк, обнимая меня за плечи, а из меня непрерывным потоком извергаются все известные мне проклятья.

Фрэнк ведет меня к заднему выходу мимо комнаты, где уже готовятся к выступлению музыканты. Я слышу, как они настраивают инструменты, смеются и переговариваются друг с другом.

– Ты в порядке? – спрашивает меня Фрэнк.

Я изо всех сил стараюсь не заплакать и бью кулаком по стене.

– Куда она уехала?

Фрэнк пожимает плечами.

– Они крупно поссорились пару недель назад, и Пол дал ей двадцать четыре часа, чтобы она собрала манатки и освободила квартиру наверху. Ким уложилась в три и перед уходом взяла всю наличность, которая была в сейфе.

Значит, она все-таки обворовала Пола? Фрэнк, видя мое потрясение, качает головой.

– Скажем так, это была справедливая компенсация.

– Но ведь здесь никогда не было больших денег. Ну сколько там было? Сотня долларов максимум? С такими крохами она далеко не уедет. Дворец на них не купишь. Ким много лет не общалась с родителями. Она что, пойдет на улицу?

– С ней все будет в порядке, – повторяет Фрэнк, на этот раз уже не так уверенно.

И тут я начинаю плакать. Фрэнку становится неловко. Вытирая нос рукавом, говорю ему:

– Если она позвонит, скажешь ей, что я приходила?

Фрэнк кивает, но видно, сам не верит, что такое случится. Ким не объявится.

Пока Фрэнк выпроваживает меня через заднюю дверь на улицу, продолжаю выкрикивать проклятья. Он прощается со мной и захлопывает перед носом дверь. Пытаюсь позвонить Ким на мобильный, но ее телефон отключен. Разумеется.

Я представляю себе, как Кэт пришлось пройти через все это в одиночку. Думала ли она о том, чтобы позвонить мне. Попросить меня о помощи. Скорее всего, нет. Наверняка нет. Я всего лишь глупенькая школьница. Она уже делала попытку обратиться ко мне как ко взрослой, но меня волновала только моя собственная жизнь.

Чувствую себя максимально дерьмово. Я бросила человека, которого считала своей лучшей подругой, когда она во мне больше всего нуждалась. Я усвоила этот горький урок и даю себе обещание отныне никогда не предавать друзей.

Глава пятая. Лилия

На тренировке в понедельник Ренни делает вид, что меня нет. Она не смотрит в мою сторону и ничего не говорит. Даже когда мы втроем с Эшлин обсуждаем, над каким танцем должны еще поработать, Ренни глядит только на Эшлин и разговаривает тоже только с ней.

Как будто я – невидимка.

Стараюсь не принимать близко к сердцу. Ренни обожает устраивать пытки молчанием – ее фирменный трюк. Меня бесит, что я этого всего не заслужила.

Она же не могла узнать.

Несмотря на то, что Ренни ведет себя со мной как последняя стерва, я, как ни в чем не бывало, продолжаю с ней разговаривать. Или пытаюсь. Например, когда говорю ей:

– Кажется, что Мэлани запаздывает со вторым разворотом. – Она мне ничего не отвечает, но при этом идет к Мэлани и просит ее следить за ритмом.

В раздевалке, когда мы переодеваемся, Ренни приглашает Эшлин к себе на обед. Она делает это прямо передо мной.

– Да! – радостно кричит Эш, но, заметив меня, хмурится и спрашивает: – А ты, Лил, идешь с нами?

Ренни мгновенно разворачивается и начинает рыться в своем шкафчике, демонстрируя, что я отныне в ее доме персоне нон грата.

– Не могу. Нужно заехать на конюшню.

На самом деле, мне туда не надо. Я не была там уже несколько недель. Надя ездит на Фантоме гораздо чаще, чем я в последнее время. Мне не хочется, чтобы конь меня забывал, но еще больше не хочется, чтобы Ренни видела, как это меня задело. В понедельник дома у Ренни всегда день пиццы, но мне не нравится доставка, в которой они ее заказывают. На мой взгляд, там кладут слишком много соуса.

Ренни фыркает в ответ на мои слова. Ей никогда не нравился Фантом. Однажды она попыталась на нем проехаться. И только села в седло, как лошадь пустилась рысью вбок, а все потому, что Ренни слишком сжала колени и потянула поводья в сторону. Я крикнула ей, чтобы она приподнялась на стременах, но Ренни вдруг испугалась и прыгнула с Фантома, когда он начал двигаться. Она упала, сильно ударилась о землю и испачкалась в грязи. Парни с конюшни бросились на помощь, но при этом наорали, потому что слезать с коня в движении очень опасно. Ренни была так обижена, что сразу же ушла на автомобильную стоянку и ждала, пока я отведу Фантома в стойло и расседлаю.

Я довезла Надю до дома. Остановившись перед дорожными знаками, смотрела на нее в ожидании, когда она скажет о том, как в последнее время ведет себя Ренни, заметила ли ее отчужденность, но Надя всю дорогу строчила сообщения друзьям.

Подъехав к конюшне, я вдруг подумала, что Кэт и Мэри никогда бы со мной так не поступили. Они никогда бы не стали создавать вокруг меня вакуум без всяких причин. Я решаю позвонить Мэри домой и написать сообщение Кэт, вдруг они захотят встретиться со мной на конюшне и немного развлечься. Уверена, что Мэри влюбится в Фантома. Даже покажу ей, как его вычесывать.

Кэт сразу же отвечает. *Понюхать лошадиный навоз? Уже еду!* Я громко смеюсь, и от этого мне становится лучше.

Звоню Мэри, и трубку берет ее тетя. Голос охрипший, как будто она только что проснулась.

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, а Мэри дома?

На другом конце провода виснет тишина.

– Это Лилия, подруга Мэри, – решаю продолжить я. – Звоню, чтобы пригласить ее покатайся на лошади сегодня вечером в конюшнях. – В трубке продолжают молчать. – Если вы передадите ей, что я звонила, будет прекрасно.

Раздается тяжелое дыхание. Потом щелчок... и короткие гудки.

Она бросила трубку! Мэри говорила, что ее тетя со странностями, но чтобы такое... Это вообще ни в какие ворота не лезет. Клянусь, что подарю Мэри на Рождество мобильный телефон.

Я пришла в конюшню слишком поздно, чтобы вывести коня, поэтому отправляюсь к Фантому, дабы как следует почистить его. Пока я это делаю, конь стоит идеально смирно. Вычесывая щетину, шепчу ему на ухо всякие нежности. Вскоре его шкура начинает блестеть, как черный бархат. Как только перехожу к шее, он пытается повернуть голову и уткнуться в меня носом.

Когда на Фантоме ездит Надя, то вычесывание и крючkovание копыт всегда поручается конюхам, а я люблю эту часть общения с Фантомом больше всего. Именно так и устанавливаются доверительные отношения с конем. Я полностью доверяю Фантому, знаю, что он не причинит мне вреда. Даже если не захожу к нему по несколько недель, он радуется, как будто мы виделись только вчера. Раньше я так любила проводить с ним время, что оставалась бы ночевать в конюшне, если бы мама разрешила. Когда все изменилось? С началом моих занятий чирлидингом? Интересно, а Фантом это заметил? Расстроился, что я стала так редко его навещать? При мысли об этом мне захотелось плакать.

Один из конюхов стучится в дверцу стойла.

– Тут кое-кто к тебе пришел, Лилия.

– Отлично! – Заглядываю в длинный проход и вижу Кэт. Она зажимает пальцами нос. Машу ей.

– Иди сюда!

Кэт идет ровно посередине прохода, старательно избегая приближения к стойлам.

– Слушай, подруга, может, пойдем куда-нибудь отсюда. Здесь так воняет!

Делаю глубокий вдох.

– Серьезно? А я обожаю запах навоза!

Кэт со скептическим видом убирает пальцы от носа, вдыхает, а потом изображает рвотные позывы.

– Я больше никогда никому не скажу, что хотела бы оказаться на твоём месте.

– Ладно. Недалеко есть одна тропинка вдоль побережья. Обычно там никого нет, и мы спокойно могли бы прогуляться.

– Конечно, пошли отсюда, – отвечает Кэт, делая судорожный вдох, поворачивается и со всех ног бежит к выходу.

Я заканчиваю вычесывать Фантома и перед уходом целую. На улице уже почти совсем стемнело и сильно похолодало, но мы с Кэт все равно решаем пройтись.

– Я звонила Мэри, – сообщаю Кэт, – но я не уверена, что она получила мое...

– Эй, девчонки, подождите меня!

Оборачиваюсь и вижу, что к нам бежит Мэри.

– Прости, что не ответила на твой звонок, уснула. Всегда ложусь отдохнуть после школы.

– Вот это да, – говорит Кэт.

– У тебя дома все в порядке? – спрашиваю я деликатно. – Твоя тетя как-то странно себя повела, когда я звонила. Мне даже показалось, что она не передаст сообщение.

Мэри вздыхает.

– Тетя Бэтт в последнее время что-то совсем потеряла связь с реальностью. Больше предпочитает возиться со своими книгами, кристаллами и всякой другой эзотерической ерундой, чем общаться с людьми. – Она качает головой. – Так что случилось?

Раньше мы собирались втроем лишь для того, чтобы обсудить планы мести или что-то срочное, но теперь все меняется.

– Особенно ничего, – говорю я, – просто соскучилась.

Кэт смотрит на меня.

– Как дела с Рен?

– Не слишком хорошо, – отвечаю я коротко. Очень хочется вывалить на них все, пожаловаться, как мне плохо, но я не могу. Ведь с Кэт произошло то же самое и даже хуже. Разве я вправе жаловаться?

На удивление, Кэт оказывается весьма проницательной. Она хлопает меня по спине и говорит:

– Не волнуйся. Ее кто-нибудь разозлит, и она забудет о своих обидах. Кстати, это могу быть и я!

– А еще у тебя есть мы, – добавляет Мэри.

Я улыбаюсь им обеим.

– Спасибо!

Мы все умолкаем. И эта тишина не кажется вымученной. Просто, похоже, нам больше нечего рассказать друг другу. При этом нам по-прежнему хорошо вместе.

Глава шестая. Кэт

После третьего урока прозвенел звонок, и вместо математики я иду в библиотеку – школьная администрация организовала для выпускников дополнительные занятия, чтобы помочь с оформлением вступительных документов.

Практически уверена: это будет пустая трата времени. К тому же я уже решила, что подам документы в Оберлин, и совсем скоро собираюсь отослать все необходимые бумаги: заявление и краткое эссе о том, кто я такая и почему хочу поступать именно туда. Это дело на пару часов.

Но после моих более чем неудовлетворительных результатов летних экзаменов мне пригодится любая помощь. Вообще-то это уродская система. Есть масса трюков, позволяющих отвечать на вопросы так, чтобы заработать как можно больше баллов. Богатые детки сдают экзамены гораздо лучше бедных потому, что имеют возможность оплатить курсы, на которых учат всем этим секретам.

Я не могу позволить себе частного преподавателя, поэтому набрала кучу книг в библиотеке. Некоторые из них уже безнадежно устарели, а в некоторых какие-то умники уже заполнили все страницы с тестами ручками. Я сделала все, что в моих силах, но этого явно недостаточно. Планирую написать об этом в своем вступительном эссе. Оберлин – очень либеральное и прогрессивное учебное заведение. По-моему, они с сочувствием отнесутся к отсутствию у моей семьи средств. Но, несмотря на это, я все равно в следующем месяце пересдам экзамены и постараюсь улучшить результаты на пару сотен баллов.

Если существуют какие-то особые приемы, о которых мне следует знать, чтобы мое поступление в Оберлин стало более вероятным, я должна быть в курсе. Я пойду на все, поскольку мечтаю навсегда уехать с Джар Айленда. Может, Огайо и не самое крутое место на земле, но мне определенно туда хочется.

В библиотеке никого нет, и я начинаю думать, что занятия перенесли в учительскую. Подхожу к столу библиотекаря. Она сидит за компьютером. Протягиваю желтый пропуск и говорю:

– Не могли бы вы мне подсказать, где... – Но она перебивает меня громким шиканьем. И это несмотря на то, что вокруг никого. Потом библиотекарь указывает на конференц-зал, рядом с компьютерным классом.

Народу не слишком много. Человек пять. Некоторых я знаю, а с некоторыми не знакома. Сажусь сзади, расстегиваю молнию на сумке и достаю бланк заявления в Оберлин. Его нужно заполнить онлайн, но я специально распечатала экземпляр, чтобы заранее спланировать, как отвечать на вопросы. Сразу после звонка в комнату входит заведующая учебной частью, миссис Чиразо. Она в черных свободных брюках и вязаном шарфе. Видимо, это и есть ее повседневная одежда. Могу поспорить, что у этой женщины ничего другого в гардеробе нет.

Она хмурится, наверное, расстроена, что пришло так мало людей. Но потом видит меня и расплывается в улыбке.

– Кэтрин Де Брассио! Как дела?

– Прекрасно, – бормочу я и утыкаюсь взглядом в свои бумаги.

– Нам нужно выбрать время, чтобы поговорить с глазу на глаз и, так сказать, наверстать упущенное! – произносит она нарочито приветливо, и это практически подтверждает мои худшие опасения.

Я вынуждена была ходить к миссис Чиразо на беседы, когда умерла моя мама. И не потому, что в этом нуждалась. Я ничем не выделялась из класса, не плакала на людях. Но миссис Чиразо увидела в газете некролог. Она тут же прибежала на урок с вырезкой и спросила своим заунывным голосом:

– Хочешь со мной поговорить? – При этом она даже не была моим наставником в средней школе. Она работала со старшеклассниками. Но, по всей видимости, скорбь была ее специальностью.

Я ответила ей:

– Нет, не хочу.

И тогда эта гадина назначила мне пять бесед с ней наедине!

Я знала, что она обожает давать советы детям, у которых скончались родители. Когда я приходила, она улыбалась, как ребенок в рождественское утро. Смерть родителей для школьного психолога – как валерьянка для кота. А еще нездоровые отношения, беременности несовершеннолетних и пищевые расстройства. За все наши пять встреч я едва ли произнесла более пары слов. На последней она дала мне целую кучу чистых блокнотов в траурных обложках, чтобы я вела дневник, и как только она меня отпустила, я выкинула их в урну.

– Ну что же, похоже, сегодня будем заниматься этим составом, – говорит миссис Чиразо, переключая свое внимание на остальных. – Надеюсь, вы сообщите вашим друзьям и одноклассникам о важности данного мероприятия. Она собирается закрыть дверь, но кто-то не дает ей этого сделать.

Алекс Линд.

На нем темные джинсы, черно-белая клетчатая рубашка и зеленый свитер.

– Прошу прощения за опоздание.

Несмотря на то, что здесь полно свободных мест, он садится на соседний стул.

– Выглядит так, будто здесь собрались одни неудачники, – шепчет Алекс мне и смеется.

– Говори за себя! – огрызаюсь я. Звучит это грубовато, поэтому сопровождаю свои слова коротким смешком.

И совсем не потому, что меня волнует, что он обо мне подумает. С ним покончено. Лето давно прошло.

Миссис Чиразо завела свою тягомотину, растянув процесс заполнения документов в колледж на три части. Вопросник, рекомендации и персональные эссе.

– Персональное эссе – самая важная часть. В ней вам дается уникальная возможность продемонстрировать приемной комиссии, кто вы есть и к чему стремитесь. Это ваш шанс заявить о себе, о ваших академических успехах и жизненной позиции, и ни в коем случае нельзя его упускать. Именно на этом мы и сосредоточимся на наших с вами занятиях. И раз уж группа у нас малочисленная, почему бы нам не поработать в парах.

Я чувствую на себе взгляд Алекса и тут же начинаю смотреть в противоположную сторону, на Гари Ротини, который сидит в другом углу комнаты. К сожалению, он уже скооперировался с девчонкой из моей группы по гимнастике. Удивительно, что она здесь. Неужели и в школу визажистов нужно тоже заполнять анкету?

Алекс кладет руку мне на плечо и слегка сжимает его.

– Ты попалась, Кэт. Теперь выкладывай свои самые сокровенные и грязные секреты.

С трудом сглатываю. Если бы Алекс узнал, что я вытворила в этом году, он бы никогда со мной не заговорил. Но мне на это наплевать.

– Ты не сможешь это пережить, – отвечаю я.

– Тогда я первый.

– Ты примерный мальчик. Твои скучные тайны меня усыпят. – Я оглядываю комнату в поисках пары.

Алекс поворачивает стул, чтобы видеть мое лицо.

– Эй, у меня есть свои грязные секреты. Не такой уж я и примерный.

Закатываю глаза.

– Докажи.

Он озирается по сторонам.

– Однажды в семь лет я пытался соблазнить няню, когда она укладывала меня спать.

– О боже!

– А что такого? Она была такой симпатичной, а ее волосы пахли вишневым сиропом.

Я откидываюсь на спинку стула.

– Заставь меня забыть это, извращенец, или я больше никогда в жизни с тобой не заговорю!

Изображая печаль, он кладет голову на стол. Я протягиваю руку, чтобы потрепать его по волосам, но тут же отдергиваю. Нельзя допускать, чтобы в наших с ним отношениях было что-то интимное. Мне не следует флиртовать с Алексом Линдом, даже если это забавно. Я не могу отвлекаться от своей основной цели: убраться как можно дальше с этого острова.

Глава седьмая. Лилия

После школы Эш уговорила меня прийти к ней. Она постоянно повторяла, что мы миллион лет не проводили время вдвоем. И это. В последние дни я с ней встречалась только на тренировках.

Представьте себе мое удивление, когда я увидела на подъездной дорожке джип Ренни. Я чуть было не развернулась и не уехала, но мне не хотелось обижать Эшлин. А еще в глубине души я надеялась, что Ренни тоже не зря здесь появилась и хочет помириться.

Но когда я нажала на звонок и Ренни открыла дверь, было похоже, что она собирается захлопнуть ее прямо перед моим носом. Она этого не сделала, но было очевидно, что ей хочется.

И вот мы сидит в подвале, на креслах-мешках, которые Эш не разрешает маме выкинуть на помойку, смотрим телевизор и красим ногти. Нам пришлось сюда спуститься потому, что мама Эш не выносит сильных запахов – у нее от них начинаются мигрени.

Эш пытается поддерживать беседу, но кроме нее почти никто не говорит. Мы сосредоточились на ногтях.

– Дай мне жидкость для снятия лака, – командует Ренни. Эшлин с готовностью передает ей флакончик.

У Эш очень богатая коллекция лаков. Я крашу ногти в мятно-зеленый цвет. На втором ногте Эшлин спрашивает:

– Вы уже начали заполнять документы для колледжа?

– Только собираюсь, – отвечаю я, разворачивая большой батончик Сникерса, завалившийся в моей сумке. И если с лаками у Эш все хорошо, то с едой – беда: ее мама сидит на безглютеновой диете.

– На самом деле я собираюсь этим заниматься в выходные до самого января.

– Ты все еще собираешься в Бостонский колледж, Лил? – Эшлин поворачивается ко мне. – Знаешь, я тоже подумываю туда поступать. Если получится, давай жить вместе?

– Ну да, ну да, – говорю я. – Будет у нас единство и борьба противоположностей.

Эш – грязнуля, и я никогда в жизни не соглашусь делить с ней комнату. Сомневаюсь, что до нее дошла моя шутка, но мне плевать, потому что Ренни смотрит на нас, прищурив глаза. Что, не нравится оставаться в одиночестве, да, Ренн? Эшлин взвизгивает и хлопает в ладоши.

– Здорово! А ты хочешь жить в кампусе или снимешь квартиру?

На этот вопрос ответить проще простого.

– Я подумываю о кампусе, по крайней мере, в первый год. Так не пропустишь ничего интересного: учеба допоздна, флирта с мальчиками, пицца в четыре утра. Хочу все это попробовать. А на второй год уже можно съехать на квартиру. – Я вдруг чувствую себя подлой и мелочной из-за того, что пытаюсь уязвить Ренни. Ощущение такое, будто мы поменялись местами.

– А ты Ренн, – спрашивает Эшлин, – уже заполнила документы?

– Да, за две секунды.

Наверняка заявление в городской колледж Джар Айленда написать довольно просто. Скорее всего, туда вообще не требуется писать эссе. Ренни всегда говорит о своем поступлении с кислой физиономией и жалуется, что она одна остается на острове. Но сегодня она щебечет, как птичка.

Ренни надевает пальто, свешивает волосы так, что они падают на лицо, и говорит:

– Мне вообще незачем прямо сейчас поступать куда-либо учиться на целых четыре года. Мы с Ривом еще не знаем, где он будет играть до того, как нога окончательно придет в норму. Сегодня он снова говорил с тренерами.

Меня так и подмывает сказать: «А ничего, что у тебя паршивые оценки и нет денег на колледж?», но я прикусываю язык.

– Отучусь семестр в городском колледже, а потом переведусь туда, куда его возьмут.

– Так вы с Ривом решили пожениться! – взвизгивает Эшлин. – Ты же практически спасла ему жизнь, помогая пережить эту трагедию.

Трагедию? Когда цунами стирает с лица земли целую деревню – это трагедия, а Рив всего лишь спортсмен, который сломал ногу. С ним все будет в порядке.

– Он бы сделал то же самое для меня, – говорит Ренни, и я не могу поверить, что она это всерьез. Разве Рив способен хоть пальцем пошевелить ради кого-то, кроме себя? – Да, кстати, я до конца недели на тренировках не появлюсь. У Рива несколько встреч со спортивными врачами на континенте. – Она самодовольно улыбается. – Ему снимут гипс. Точно в срок, как и обещали.

Я вскидываю голову.

– И из-за этого тебя не будет на тренировках?

Ренни не обращает внимания на мои слова.

– Заменишь меня, Эш?

Эшлин бросает на меня смущенный взгляд.

– Конечно, мы с Лил сможем сделать это вместе. Да, Лил?

Я не могу поверить.

– Ты что, уходишь из команды?

– Нет, не ухожу, – огрызается Ренни. – Я этого не говорила.

– Но ты пропустила уже три тренировки, – произношу я слегка дрожащим голосом. Честно говоря, я немного взволнована. Хочу хоть раз заставить ее сказать правду.

У Ренни краснеют щеки.

– Я согласилась представлять Рива в течение всего сезона и не брошу его сейчас.

Смехотворно. Я резко встаю.

– Схожу за содовой.

– Принеси мне диетическую колу безо льда, – цедит Ренни, не глядя в мою сторону, как будто я официантка, а она делает заказ.

– Я тебе помогу, Лил. Я спрятала в морозилке мороженое за мамиными соевыми батончиками. Если папа до него не добрался, оно еще там.

Как только мы оказываемся вне зоны слышимости на кухне, открываю холодильник, беру оттуда две банки диетической колы и говорю:

– Нужно было мне сказать, что Ренни тоже придет.

– Но тогда ты бы не пришла, – с недовольным видом протянула Эшлин.

– Точно, – отвечаю я.

– Мне очень не нравится, что вы, девчонки, поссорились, – говорит Эш, присев на стол. – Поэтому я вас и позвала вместе.

Я знаю, что она это не со зла. Эш из тех, кто любит оказываться между двух огней.

– Мы не поссорились. Просто Ренни ведет себя со мной как последняя стерва безо всякой на то причины.

– Я знаю, что она по тебе скучает, – говорит Эш.

– Она сама тебе об этом сказала? – В груди у меня затеплилась надежда.

– Прямо не говорила. Я просто это вижу.

Я делаю глоток содовой.

– Они с Ривом теперь вместе?

– Практически, – отвечает Эшлин. – У нее к нему типа любовь до гроба. А благодаря несчастному случаю и он понял, кем она была для него все эти годы.

– Счастлива за нее, – говорю я совершенно искренне. Если Ренни с Ривом теперь пара, может, она выбросит из головы то, что произошло на осеннем балу, и все будет, как раньше. И, если не кривить душой, то они друг друга стоят.

Глава восьмая. Мэри

В понедельник после обеда мы с группой делаем лабораторную по химии. Большую часть работы выполняют двое парней, а мы с еще одной девочкой записываем результаты в тетрадь. Это меня более чем устраивает: я никогда не была сильна в естественных науках. Мы стоим вокруг лабораторного стола и ждем, когда закипит приготовленная смесь, и вдруг я слышу за спиной разговор двух девочек из младших классов.

Одна из них хнычет:

– Как бы я была счастлива послать к черту этот ежегодник! Все, что от нас требуется, – это сделать коллажи из фотографий новеньких. Я на такое не подписывалась!

И тут мне пришла в голову мысль: ежегодник – одно из тех дел, о которых мне говорила Кэт! Мне нужно заняться чем-то новым, чтобы почувствовать себя счастливой. Я провела в школе много хороших дней, даже встречала Рива, и это не выбило меня из колеи. Меня больше не беспокоили мои, скажем так, прошлые проблемы.

А еще мне очень нравится делать коллажи.

В детстве постоянно этим занималась. Я не выбросила ни один журнал, не вырезав из него все красивые картинки. Часами складывала их, как кусочки пазла, потом приклеивала на доску для постеров и вешала в своей комнате. Когда переехали с Джар Айленда на материк, мы не взяли их с собой. Я тогда была не в состоянии что-то паковать. Этим занимались мама с папой. Интересно, они их выкинули или доски до сих пор валяются где-то в гараже?

Я рисую в тетради круги.

– Да знаю я! – говорит вторая девочка с таким раздражением, что чуть не задувает пламя горелки. – Но хочешь или не хочешь, а нужно его повесить, чтобы не потерять шанс стать на будущий год выпускающим редактором. Сама понимаешь, это вопрос политики.

Комитет по изданию ежегодников. Значит, я стану членом этого комитета.

После урока собираю учебники и отправляюсь в администрацию, чтобы узнать, где и когда проводятся собрания этого комитета. Вдруг на доске объявлений в коридоре вижу листок бумаги. На нем изображена фотокамера и написано: **«Ежегодник – это круто! Собрания каждый понедельник в библиотеке!»**.

Сегодня как раз понедельник. Вот это повезло, какое совпадение! А еще можно будет написать об участии в комитете во вступительном эссе на будущий год. Лилия и Кэт в последнее время только и говорят, что о поступлении, и это заставило меня задуматься о собственном будущем. Честно говоря, и мой выпуск не за горами. Половина предпоследнего учебного года уже прошла.

Пора задуматься, куда я хочу поступить, после выпуска. Мама рассказывала, что она всю жизнь мечтала заниматься архивами: маленькой девочкой она нашла на чердаке кучу старых семейных документов Зейнов, составила каталог и разложила по специальным папкам, переложив каждый листок воощеной бумагой. И это в семь лет.

Следуя этой логике, мое призвание – ветеринария. Мне всегда хотелось быть доктором для животных. Однажды в Монтессори нас вывезли на экскурсию в зоопарк, и мне удалось подсмотреть, как ветеринар дает антибиотик больному детенышу пингвина. Это было забавно. После этого лечила свои мягкие игрушки, давала им микстуры и перевязывала лапы бинтом из домашней аптечки.

Я не могла решить, нужно ли предупредить тетю Бэтт, что я задержусь, и пришла к выводу, что не нужно. Не ее дело, где я и когда вернусь. Все равно она будет приставать ко мне с этими же вопросами, как только вернусь домой.

Прямо посередине школьного двора вдруг кто-то чуть не сбивает меня с ног.

Рив.

В последний момент успеваю сделать шаг в сторону. Слава богу, он меня не заметил. По правде говоря, он вообще не замечает людей, когда выбрасывает свое тело вперед костылями, как катапультой. Рив слишком занят, ругаясь с кем-то по телефону, напряженно наморщив лоб. Руки его заняты, и он прижимает телефон к щеке плечом.

Единственно, что изменилось: исчезла тяжелая белая гипсовая повязка. Вместо нее нога обернута какой-то черной штукой на липучке. Кажется, она называется лангета.

Мне приходится идти за ним. Неспециально. Просто мы идем в одном направлении. Хотя между нами довольно большое расстояние, мне все равно слышно, что он говорит.

– Да я все время твержу этому болвану, что могу делать больше, Рен, – горячится он. – Ладно, если он не может заняться нашей программой сегодня, он уволен. В конце концов, я могу заниматься своими персональными тренировками самостоятельно. И так уже на неделю отстаю от составленного расписания.

Рив резко останавливается у столбиков, огораживающих футбольное поле и соединенных цепью. Там идет тренировка. В середине поля игроки, встав в большой круг, делают разминку, хлопая в ладоши каждый раз, когда меняют упражнение. Алекс стоит в центре. Интересно, теперь он капитан?

Никто из ребят не замечает, что Рив за ними наблюдает. Они не видят, как он стоит у кромки поля, не видят, когда он уходит.

«Не смей чувствовать себя виноватой из-за него, – говорю я себе. – Не смей испытывать к нему вообще какие-то чувства».

Рив сходит с дороги и направляется к бассейну. Там у дверей стоит какой-то пожилой мужчина в полном противовеетровом костюме. Не думаю, что это здешний преподаватель. В руках у него планшет, а на плече висит спортивная сумка.

– Рив, привет, парень. Готов поработать?

Похлопав Рива по спине, мужчина распахивает дверь и придерживает ее. Рив окидывает его тяжелым холодным взглядом.

– Я всегда готов работать, а вы?

Оказывается, собрание редколлегии ежегодника очень популярное мероприятие, особенно среди девочек. Если ты в редколлегии, в газете никогда не разместят твои не самые удачные фотографии. Такой вот бонус. В библиотеке собралось много народа, все распределились по небольшим группам, и каждая из них занимается своим делом. Кто-то разбирает обзорные листы, кто-то делает макеты страниц, кто-то наблюдает за подготовкой обложки к печати, а кто-то высчитывает стоимость одного экземпляра.

Здесь присутствует и несколько парней. Я замечаю, что они больше заняты техническими вопросами, так как все сидят за компьютерами. Девочки стоят у них за спинами и говорят, каким бы им хотелось видеть конечный результат.

Я заметила девочек, которых встретила на лабораторной по химии. С хмурыми лицами они сидят на одном стуле и перебирают стопки цветных фотографий. На некоторые указывают пальцем и, делая вид, что их тошнит, мерзко хихикают.

– Давай поставим вот эту, где Керри чихает, – говорит одна из них. Хорошо, чтобы их тут вообще не было. Если мне повезет и я займусь коллажами, постараюсь сделать так, чтобы ни одной неудачной фотографии никто не увидел. Даже если на них тот, кто мне лично не нравится.

Смущает то, что у каждого есть свой участок работы. А что делать новичкам, как я? Прислоняюсь к одному из книжных стеллажей в углу комнаты и придумываю, что сказать нашему куратору, мистеру Краусу, когда он придет и собрание начнется официально. Наверное, мне нужно будет представиться, возможно, рассказать о том, что когда-то я занималась коллажами, если это можно так назвать. А еще мне бы очень хотелось научиться пользоваться симпатич-

ными школьными цифровыми камерами, тогда бы я могла делать фотографии. Может, он даст мне несколько уроков.

Вслед за мной в библиотеку заходят еще несколько человек. И среди них Надя Чоу. Она топчется у двери в чирлидерской тренировочной форме, как будто не собирается здесь оставаться надолго.

Мне нравится Надя. Она симпатичная и очень похожа на Лилию, только глаза у нее больше и на лице веснушки.

Я собираюсь подойти к ней и поздороваться, хотя официально мы не знакомы. Но вдруг перед ней появляется Ренни. На ней-то как раз нет тренировочной формы. Не может быть! Неужели она ушла из команды, раз Рив не играет? Охотно верю.

Ренни обнимает Надю и прижимает к себе. Это объятие дольше и нежнее, чем те, которыми обмениваются девочки на переменах. Ренни слегка отстраняется и, теребя Надину челку, что-то шепчет ей. Надя улыбается и энергично кивает. Она отдает Ренни флешку и выходит за дверь.

Тогда, в конюшне, Лилия рассказала нам с Кэт, что после осеннего бала их с Ренни отношения стали очень напряженными. Я прикусываю нижнюю губу. Меня очень беспокоят все эти Надины сюсюканья с Ренни. Не слишком хорошее влияние та может на нее оказать. Мне это не нравится, ведь Лилия – старшая сестра Нади, и та должна проявлять лояльность к ней, а не к Ренни.

В комнату входит мистер Краус. Он преподает у нас рисование. Логично, что он курирует и ежегодник.

– Так, слушайте все! – В библиотеке стало тише, но ненамного. Большинство собравшихся продолжало болтать. – На этой неделе нам нужно сделать выпуск с отчетом об осеннем бале, репортажем о клубах иностранных языков и обзором осенних видов спорта. – Он окинул взглядом комнату. – Если вы пришли сюда впервые, найдите кого-нибудь и включайтесь в работу. – С этими словами он вернулся к себе в кабинет и закрыл дверь.

Вот как. Ну ладно.

Похоже, выпуск ежегодника – это дело исключительно учащихся.

В надежде получить хоть какую-то информацию я подхожу к группе девочек, которые скачивают фотографии с камеры на компьютер, и оказываюсь совсем близко к Ренни. Она работает над репортажем об осеннем бале.

– Сегодня мы получили еще больше фотографий с бала, – говорит она, доставая флешку.

– Сомневаюсь, что они нам понадобятся, – отвечает ей другая девочка, не отрываясь от экрана. – У нас гораздо больше фотографий с бала, чем портретов выпускников, а места – один разворот.

– Хотелось бы быть уверенной, что будут выбраны лучшие фотографии, – в голосе Ренни звучит металл. – Я и выбрала лучшие, – отвечает девочка с улыбкой, щелкает мышкой, и на экране компьютера появляется изображение Лилии и Рива, как они танцуют на сцене. Он крепко прижимает ее к себе с широкой улыбкой на лице. Снимок сделан незадолго до того, как он увидел меня. До того, как меня охватил приступ безумия.

Я заставляю себя отвернуться.

Девочка стучит ручкой по экрану.

– Я скомпоновала весь разворот вокруг этой фотографии.

Ренни мотает головой, берется за мышку и кликает на другое фото с общим планом бала.

– Эта лучше. И потом, перед тем как сделать окончательный выбор короля и королевы бала, мы должны получить все снимки. Важно стопроцентное попадание.

– Но на твоём изображении не видно, кто стал королем и королевой!

Ренни оборачивается, чтобы посмотреть девочке в лицо.

– Ты издеваешься? Фотография, которую ты хочешь разместить, напомнит всем о происшествии! Она послужит триггером! – Впервые я была согласна с Ренни. Как бы мне хотелось, чтобы они вообще не затрагивали в газете эту тему. – И я не говорю уже о том, что это будет абсолютно бестактно по отношению к Риву!

– Мы всегда публикуем в газете хоть одну фотографию короля и королевы бала, – отвечает девочка с вызовом.

Ренни смотрит на нее с неприязнью, но смягчает тон и делает пальцем знак, чтобы та наклонилась ближе.

– Мне бы не хотелось заранее разглашать эти сведения, но есть большие сомнения в том, что в этом году выборы королевы не были подтасованы. Тренер Кристи рассматривает вопрос о пересчете голосов, поэтому до полной ясности давай-ка не будем публиковать эту фотографию, поняла?

Девочка, округлив глаза, кивает.

– Хорошо, – отвечает она шепотом. – Это совсем другое дело.

У меня в груди все сжимается. Неужели тренер Кристи догадалась, что мы с Кэт проникли к ней в кабинет и переложили бюллетени? Я тряхнула головой. Нет, не может быть. Мы были очень осторожны и не оставили следов.

Я подсаживаюсь к группе учеников, которые решают, по каким категориям в этом году пройдет голосование. Самый очаровательный, самый популярный, самые красивые глаза, самый спортивный. Я заставляю себя подумать о каком-то другом мальчике. Не о Риве.

После собрания я иду домой мимо школьного бассейна и слышу пронзительный свист. Неужели Рив все еще здесь? Осознавая, что это не слишком хорошая идея, я все же не могу сдерживать любопытства. Сколько же Рив тренируется? Неужели у него все-таки есть шанс получить спортивную стипендию?

Я тихонько вхожу и подглядываю. Рив в плавках в воде. Большая черная лангета лежит на лавке. На краю бассейна, опустив ноги в воду, сидит мужчина. Он в одежде, просто завернул спортивные брюки до колен.

– Хорошо, Рив, теперь я хочу, чтобы ты взялся за край бассейна и с интервалом в 15 секунд сделал ногами серию лягушачьих движений в течение трех минут. – Он берет в рот свисток. – Приготовился...

Рив стонет.

– Ну, раз ты не можешь, – поддразнивает мужчину Рива.

Рив выходит из себя.

– Я могу. Дело не в том.

– А в чем?

– Я могу сделать эту серию с минутными интервалами, – огрызается он.

– И?

– Почему вы не хотите заниматься со мной в тренажерном зале на беговой дорожке?

Мужчина несколько раз удивленно моргает.

– Ты пока еще не готов к тренажерному залу, парень. Именно поэтому на тебе лангета, а не эластичный бинт. Ты слишком торопишься и перегружаешь ногу.

– Вы в этом ничего не понимаете. Вы ведь даже не пытались дать мне большую нагрузку. Поверьте, я могу сделать гораздо больше, чем сейчас.

Мужчина качает головой.

– Сынок, тебе нужно смириться со своей травмой, а не бороться с ней. Для выздоровления нужно время.

Рив подтягивается и ложится торсом на бортик. Хотя он весь мокрый и в мурашках, щеки его горят от злости.

– Я нашел в интернете статью про парня, который сломал бедро и уже через пять недель бегал мило за семь минут. Именно тренировок такого уровня я жду от вас.

Мужчина вздыхает.

– Послушай, Рив, в нынешнем сезоне на поле ты не выйдешь. Выбрось это из головы.

На теле Рива напрягаются все до единого мускулы.

– Да знаю я! Знаю, что не буду играть в этом сезоне! Но чемпионат среди колледжей начинается в феврале. Мне нужно прийти в форму к этому времени. Если не буду играть в футбол, я не поступлю в колледж, и точка. Это замкнутый круг!

Тренер спокойно откладывает в сторону планшет и кладет руки на колени.

– Восстановление – длительный процесс, Рив. Ты шагаешь вперед, только если сделаешь предыдущий шаг. Тебе нужно привыкнуть к «если».

От этого слова Рив вздрагивает и мотает головой, будто хочет забыть, что его услышал.

– Знаете что? Я сделаю это самостоятельно!

– Рив...

– Вы меня слышали? Вы уволены. Я в ваших услугах больше не нуждаюсь.

Рив вылезает из воды и пытается перенести часть веса на больную ногу, но не может и скачет на одной ноге к полотенцу. Он тяжело дышит и сыплет проклятиями.

Физиотерапевт качает головой, складывает вещи в сумку и идет мимо меня к выходу из бассейна.

Рив некоторое время сидит на лавке. С него на бетонный пол каплют капли. Я уже решаю, что он соберет вещи и пойдет домой, но он снова лезет в воду, плывет к мелкому краю и там делает те упражнения с лягушачьими движениями. Только без минутных остановок. И так пять раз.

С ума сойти, насколько же мы с ним похожи. Мы оба через силу пытаемся выжать нечто хорошее из безнадежно плохого.

Глава девятая. Лилия

Настоящих колядок на Хэллоуин на острове не бывает: слишком много домов осенью и зимой пустуют. Поэтому в младшей школе проводится «альтернативный Хэллоуин», который называют Осенним фестивалем. После занятий малыши расходятся по домам, переодеваются в карнавальные костюмы и возвращаются в школу, уже превращенную к этому моменту в дом с привидениями. Для них устраивают кучу веселых конкурсов и развлечений: вылавливают из воды зубами яблоки, раскрашивают лица, устраивают охоту за сладостями. Официально этим занимается родительский комитет начальной школы, но всегда в качестве аниматоров и для создания веселой атмосферы привлекают и старшеклассников. В этом году ответственной за проведение праздника назначили меня. Ренни должна была мне помогать, но так только началась подготовка, она самоустранилась.

В пятницу мы все сидим за обеденным столом, и Эшлин умоляет Ренни рассказать, какой костюм она выбрала.

– Ну Ренн! – завывает Эшлин. – Я же тебе про свой рассказала!

Ренни самодовольно мотает головой.

– Подожди немного и увидишь.

Я размешиваю замороженный йогурт ложкой. У меня такой стресс из-за этого фестиваля, что кусок в горло не лезет. Достая листок со списком дел, но там еще полно незачеркнутых строчек. Чтобы все подготовить, у меня остался сегодняшний день, выходные и два дня на следующей неделе. Я все еще не получила ответа от «Милки Монинг», сколько кексов они готовы пожертвовать. А еще Саттон вполне может в этом году сократить количество конфет, и на этот случай у меня должен быть запасной план.

Но самой большой проблемой является то, что у нас почти нет аниматоров. Надя с друзьями будут вести игру «Мусорщик идет на охоту», ребята из театрального кружка будут рассказывать истории у костра, но вот судей для конкурса костюмов у меня до сих пор нет.

И еще проблема со стендом, где детям будут рисовать праздничный грим.

С начальной школы обычно этим занимались мы с Ренни: рисовали на детских мордашках звезды, бабочек и тигровые полосы. Это всегда было нашим делом. Мне кажется, что это будет прекрасная возможность поговорить без Эшлин, Рива и остальных. Только я и Ренни, как это было всегда.

Делаю глубокий вдох и говорю:

– Мы ведь будем с тобой красить малышей?

Ренни делает кислую физиономию.

– Не думаю, что смогу. Прости, мне жаль.

На ее лице нет ни капли сожаления.

– Хорошо, – отвечаю я, стараясь не показать, насколько расстроена. Мечты так и остались мечтами.

– Мне нужно время, чтобы переодеться в костюм. Когда осенний фестиваль начинается? В пять? И заканчивается в восемь? Мне не хватит времени, даже если я бегом побегу домой из школы. – Ренни пожимает плечами. – А потом мы собрались выпить у Эш перед тем, как пойти в Заколдованный лабиринт.

Что? Все собираются у Эшлин, а мне никто ничего не сказал? Поворачиваю голову к Эш, но та сосредоточенно ковыряется в салате.

– Значит ли это, что ты не будешь вести конкурс с водой с Дерексом? – Спрашиваю я возмущенно.

Ее лицо закрыто свесившимися волосами, и она робко отвечает:

– Нет... Прости, Лил. Ренни раздобыла на работе бутылку рома. Она говорит, что, если сделать из него коктейль с яблочным сидром, будет потрясающе вкусно. Приходи тоже!

– Каким же это образом? – кричу я. – Мне поручили это дело, и вы все сказали, что будете помогать!

– Мне так жаль, Лил. – Эшлин виновато отводит взгляд.

С противоположного конца стола раздается голос Алекса:

– Я буду, Лил.

– Спасибо, Алекс, – отвечаю я громким голосом. – Приятно осознавать, что ты можешь на кого-то положиться.

Эшлин хмурится.

– Прости меня, Лил.

– И чего тут извиняться, – ворчит про себя Ренни. – Не можешь, значит, не можешь!

Я кидая недобрый взгляд в сторону Рива. Три года подряд он приходил на Осенний фестиваль в костюме Джейсона, «Пятница13-го». Еще когда мы учились в младшей школе, старшеклассники просили его об этом, что стало своего рода традицией для Джар Айленда. Рив натягивал белую хоккейную маску и бегал за ребятней с бензопилой. Детям это нравилось. Они любили Рива. Я уже несколько раз его спрашивала, но он отвечал, что в этом году не станет наряжаться. Ну и пусть он на костылях, все равно бы мог показаться в костюме.

– В этом году Осенний фестиваль мы провалим, – предупреждаю я.

– Ты провалишь, – поправляет меня Рив.

Я возмущенно поворачиваюсь к нему.

– Нет, виноваты будем все мы, а особенно ты. Ты же знаешь, как нравится детям вся эта беготня с Джейсоном. Почему бы тебе хотя бы...

– Что тут непонятного? – рявкает Рив, показывая на костыли.

– И как он, по-твоему, будет бегать за малышкой по спортивному залу на костылях? – спрашивает Ренни и стонет. – Ты что, совсем ку-ку?

– Он же каждый день тренируется! – возражаю я дрожащим голосом.

Ренни склоняется Риву.

– Да, в бассейне и тренажерном зале. Он не может нагружать ногу, Лилия. Не говори о вещах, в которых ничего не понимаешь.

Рив кладет руку на плечо Ренни. Та откидывается на спинку стула и возмущенно трясет головой. Потом она отворачивается и снова начинает болтать о своем костюме.

И тут до меня доходит: Ренни это сделала специально. Она подстроила все так, чтобы мне никто не помогал и чтобы я осталась в полном одиночестве. Она убедила Эшлин собрать всех у себя, зная, что я не смогу присоединиться.

И я, наконец, ясно осознаю – Ренни не просто на меня злится. Она больше не считает меня своим другом. Она окончательно со мной порвала. А если уж Ренни порвала, то она просто обязана сделать так, чтобы и все остальные тоже. Сколько раз я видела, как Ренни проделывала то же самое с другими. Сделать человека изгоем только потому, что он ее чем-то когда-то разозлил. Я видела, как это происходит, и молчала, стоя в сторонке. Боялась, а отстраниться было проще всего. Никогда и в голову не приходило, что и меня это тоже коснется.

Алек недоуменно оглядывает стол.

– Ребята, вы серьезно? Не можете помочь Лил всего один вечер? – Никто не ответил, и он швыряет вилку на поднос. – Ну и дерьмо же вы все! Лил, что мне делать? Говори, что тебе нужно.

Опустив голову, я быстро собираю вещи и спокойно отвечаю:

– Если у тебя есть время, не мог бы ты прийти ко мне на выходных и помочь собрать мешки с конфетами для призов?

Алекс кивает.

– Я приду вечером сразу после тренировки, – говорит он громко, окидывая всех взглядом, потом оборачивается ко мне и с ухмылкой добавляет: – Не волнуйся, я сначала приму душ.

Мне стоит огромных усилий улыбнуться ему, и я отвечаю.

– Хорошо бы.

Потом я добираюсь до парковки и плачу в машине. Мы столько пережили вместе с Ренни, и вот, как все закончилось.

Мы с Надей и Алексом организовали в нашей гостиной конвейер. Надя укладывает в мешки стаканчики с арахисовым маслом, сникерсы и кислые леденцы, Алекс – Фаерболз, Лемонхед и Старбаст, а я – Нерд и Лолипопс и завязываю ленты на мешках бантами. Это самый скучный вечер пятницы в моей жизни, но я все равно счастлива, что мы выполнили задуманное.

Я оглядываю результат нашей работы.

– Вам не кажется, что этот мешок легче, чем остальные?

– Алекс не доложил туда Фаерболз, – ябедничает Надя.

– Предательница, – отвечает он и пихает ее в бок. – Все отлично. Просто я решил сделать какому-то ребенку добро, у него меньше дырок в зубах будет. Ты же уже завязала их, Лил...

– Да, знаю. – Прикусив нижнюю губу, я взвешиваю мешок в руке. – Не хотелось бы, чтобы дети чувствовали себя обманутыми.

– Давай вскроем упаковки Старбаст, чтобы мешки выглядели объемнее, – предлагает Надя.

Я хлопаю в ладоши.

– Отличная идея.

Алекс показывает ей большой палец, и Надя одаряет нас широкой улыбкой.

– Алекс, займись этим, – говорю я ему, и он салютует в ответ.

– Кстати, я говорил с мамой. Она пообещала сегодня вечером позвонить Джой, – замечает Алекс, осторожно открывая мешок с конфетами. Его волосы до сих пор мокрые после душа. Он действительно пришел прямо с тренировки.

– А кто такая Джой? – интересуется Надя.

– Одна из владельцев «Милки Монинг». Мамина знакомая по книжному клубу. Мама сказала, что уговорит ее дать столько кексов, сколько нам понадобится. – Он протягивает мне следующий мешок.

Вдруг я испытываю такое чувство благодарности, любви и привязанности к Алексу, как никогда раньше. Не знаю, что бы я без него сегодня делала.

– Ты – лучший, Линди, – говорю я. Алекс смущенно пожимает плечами и говорит: – Да ладно! – И тычет в меня пальцем. – Эй, ты тормозишь нашу сборочную линию!

После его ухода Надя помогает мне убрать и расфасовать оставшиеся конфеты. Не глядя на меня, она говорит:

– Ты знаешь, что нравишься Алексу?

Я открываю рот, чтобы начать отнекиваться, но заставляю себя остановиться. Не могу врать сестре и в то же время не знаю, что ей ответить.

– Мы с ним друзья.

Надя закатывает глаза.

– А тебе?

– Что?

– Тебе он нравится? – Выражение ее лица немного жалобное, но она изо всех сил старается сделать вид, что ей все равно.

– А тебе? – спрашиваю я ее.

Между нами повисает тишина, я вижу, что она думает.

– Нет, – наконец отвечает Надя. – Алекс симпатичный. Очень. Но он мне больше не нравится. Раньше – да, недолго.

Я тянусь и трогаю волосы сестры. Они мягкие, как у ребенка. Надя несколько секунд позволяет мне ее гладить, потом отстраняется и говорит:

– Будь с ним поласковее, ладно? Не обижай его.

– Не буду, – обещаю я и про себя добавляю: *«Больше не буду. Никогда»*

Глава десятая. Мэри

Сегодня мы с Лилией столкнулись в коридоре школы. Она рассказала, как просила некоторых друзей помочь ей разобраться со звуковым оборудованием и отвезти его в начальную школу для Осеннего фестиваля, который проводится именно там. Но оказалось, что у них у всех тренировка.

– Рив сделал вид, что он меня вообще не слышит. – Я понимающе кивнула. – Хотя, разумеется, это не так.

Лилия чуть не плакала.

– В одни руки я буду загружать мою Ауди целую вечность.

– Лил, я с удовольствием тебе помогу!

Ее лицо вспыхнуло от радости.

– Спасибо тебе огромное, Мэри.

И вот я со всех ног бегу к боковому выходу из актового зала. Сил у меня не так много, но четыре руки лучше, чем две, и дело должно пойти быстрее.

Я не стала пробиваться сквозь толпу в вестибюле и вышла к парковке на заднем дворе. Там, перегородив боком Ауди Лилии, стоит кроссовер Алекса. Он уже перегружает коробки из ее багажника в свой. Задняя дверь зала открывается, и оттуда в пальто цвета слоновой кости и длинном шарфе, с трудом справляясь с огромной картонной коробкой, выходит Лилия. Алекс бросается ей на помощь.

– Алекс! – восклицает она, замечая его. – Господи!

Я отступаю назад и наблюдаю.

Алекс пытается перехватить коробку из ее рук.

– Ладно, Лил. Ты же не хочешь испачкать пальто.

– Я ее держу, – сопротивляется она. Алекс пытается перехватить коробку, и они оба хохочут потому, что та чуть не выскальзывает у нее из рук. – Ты же должен быть на тренировке.

– Я сам решаю, идти мне туда или нет, – говорит он мягко, и Лилия отпускает коробку. По-моему, Алекс очень удивлен, что она такая тяжелая. Он чуть не роняет ее, но вовремя перехватывает.

Лилия оглядывается, видит меня, улыбается, машет рукой, показывая, что мне не о чем беспокоиться.

– Спасибо, – говорит она, пытаясь восстановить дыхание, когда Алекс поднимает голову. – Там еще три осталось. – Она поворачивается и снова идет к боковой двери, но Алекс преграждает ей путь.

– Подожди здесь. Я принесу.

Лилия прислоняется к машине. Порыв ветра бросает ее волосы на лицо.

– Я твоя должница, Линди! – выкрикивает она. – Спасибо тебе огромное!

Собираюсь уходить, но в этот момент замечаю залезающего в свой грузовик Рива. Он. Он тоже их видит и хмурится. Потом сдает назад и уезжает. Его так никто и не видел.

Я возвращаюсь домой и вижу, что машины тети на подъездной дорожке нет.

Стыдно признаться, но испытываю облегчение.

Как мне хочется с кем-нибудь поделиться тем, насколько странно ведет себя тетя Бэтт. Я собиралась рассказать об этом родителям, но испугалась. Ведь мама – ее сестра. Очень не хотелось бы, чтобы она на нее рассердилась или они поссорились из-за меня. Я просто беспокоилась о ней.

Бросаю школьный рюкзак на кухне и иду наверх. Несколько раз зову ее по имени, вдруг она все-таки дома. В последнее время тетю Бэтт легко испугать. Стараюсь быть с ней деликатнее и не грузить проблемами. Не хочу все испортить.

Уже на самом верху лестницы замечаю, что дверь в комнату тети Бэтт чуть приоткрыта, хотя она все время запирает ее. Тихонько подхожу и заглядываю внутрь.

По всему полу разбросаны книги. Около сотни сложены неровными стопками на марокканском ковре. От них пахнет сыростью и плесенью. Эти книги из тех, что стоят в библиотеках и собирают пыль, из тех, что можно найти на гаражных распродажах.

Вхожу, стараясь ничего не задеть. Представляю, как взбесится тетя Бэтт, если узнает, что я вломилась в ее комнату. Нагибаюсь и пытаюсь прочесть надписи на корешках, но многие из них не на английском, а, скорее всего, на латыни. Есть книги на испанском, и я вспоминаю о том, настолько отстаю на уроках сеньора Тремонта, и это уже несмешно. Некоторые книги открыты, но на страницах вообще нет слов, только нечто похожее на иероглифы, символы и числа, смысла которых я не понимаю.

Слышу, как по подъездной дорожке шуршат шины тетиной машины. Подпрыгиваю от неожиданности и уже собираюсь убежать, но вдруг вижу стену, которая отделяет комнату тети от моей. Ту, что расположена справа от ее кровати.

Обычно на ней развешено множество картин, рисунков, фотографий. Теперь все это снято, и из стены торчат лишь маленькие гвозди. Даже низенький комод с четырьмя ящиками отодвинут в сторону.

Стена абсолютно голая.

Вернее, мне сначала так кажется. Я подхожу ближе и вижу, что между гвоздями натянута бечевка цвета яичной скорлупы, такого же, как и стена. Наверняка та же, что она использует для перевязки своих пахучих травяных пучков. Бечевка образует на стене необычный рисунок – корявую и изогнутую звезду.

Такая же нарисована и на странице открытой книги. Господи! Что происходит?

Выскакиваю из ее спальни и вбегаю к себе. Тетя Бэтт открывает заднюю дверь и зовет меня.

– Я наверху! – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал, как обычно, и молюсь, чтобы она не пошла на второй этаж. Слава богу, тетя остается внизу. Слышу, как из крана течет вода. Наверное, она ставит чайник.

Тихонько подхожу к кровати и сажусь на матрас. Он придвинут к нашей общей стене. Протягиваю руку и касаюсь ее, пытаюсь почувствовать, сама не знаю что. Энергию? Тепло? Нечто проникающее ко мне в комнату с той стороны.

Неужели тетя Бэтт накладывает на меня какие-то заклятья?

Не думаю, что она хочет причинить мне зло, но и в безопасности тоже себя не чувствую, ведь не знаю, с какого времени эта штука у нее висит и как она может на меня повлиять.

Ничего не чувствую. С той стороны в мою комнату ничего не проникает. Между нами просто старая гладкая перегородка.

Ну а что еще там могло быть?

Наверное, когда живешь с сумасшедшей, иногда тоже впадаешь в безумие.

Глава одиннадцатая. Лилия

Ночь на Хэллоуин выдалась потрясающая. Небо чистое, с огромной полной луной, и на улице не слишком холодно.

Дети с родителями начинают потихоньку собираться, и сердце в груди бьется с бешеной скоростью. Я стою у входа в костюме балерины, приветствую гостей и раздаю лотерейные билеты. На мне розовое трико с перекрещивающимися на спине лямками, балетная пачка, прозрачные розовые колготы и пуанты, завязанные на икрах лентами. Высокий пучок слишком стягивает кожу на голове, но я не решаюсь его поправить, ведь потратила на эту прическу кучу времени.

В очках с черной оправой, в военных брюках и застегнутой на все пуговицы рубашке в двери входит Алекс.

– Ты кто? – спрашиваю его я. – Ботан?

Алекс взмахивает в мою сторону пальцем, картинно распахивая на себе рубашку. Под ней я вижу треугольник Супермена.

– Кларк Кент, к вашим услугам!

Смеюсь и хлопаю в ладоши. Раньше Алекс носил очки, но с недавних пор перестал. Мне нравится, когда он одевается, как чудик.

– Алекс, ты – мой герой, – говорю я и отсылаю его к месту, где будет проводиться конкурс по вылавливанию яблока из воды зубами, и он уходит.

Ребятишки выглядят такими симпатичными в своих костюмчиках. Среди них несколько – в костюме Железного человека, Гарри Поттера; малыш, наряженный, как шеф-повар, и девочка в костюме бутылки с кетчупом. Но больше всего мне понравились трое малышей: Хрусть, Хрясь и Щелк с картинки на коробке рисовых хлопьев. Именно им я отдам свой голос в конкурсе на лучший костюм.

Моя сестра с приятелями готовят игру «Охота за сокровищами», пряча по всему залу ключи. Все они изображают северных оленей Санты. Надя в костюме Виксена: на голове – рога, на шее – мамин меховой палантин, который та ни разу не надевала, а губы накрашены ярко-алой помадой. Алекс закидывает еще несколько яблок в таз с водой.

Я стою у фуршетного стола, поправляя на большом подносе кексы с карамельной верхушкой, и вдруг вижу, как в зал на костылях и в лангете входит Рив. На нем фланелевая рубашка, маска Джейсона и бензопила на ремне за плечом.

Я не верю глазам! Неужели он все-таки пришел.

Наблюдаю, как он ставит себе раскладной стул под баскетбольной корзиной, плюхается на него и кладет ногу на другой стул. Целая толпа ребятишек окружает его со всех сторон.

– Рив, – кричат они, – побегай за нами!

Рив вяло трясет перед ними своей бензопилой. Гоняться за кем-либо он не будет. Не может. Как только ребятишки это понимают, теряют к нему интерес и расходятся развлекаться по другим аттракционам. Рив, никому не нужный, унылый остается сидеть в полном одиночестве.

Чувствую комок в горле. Это я заставила его сюда прийти, хотя делать ему тут нечего. То и дело останавливаясь и делая вид, что проверяю звуковое оборудование, двигаюсь в его направлении. Мне не хочется, чтобы он решил, что я специально подошла к нему поздороваться.

Останавливаюсь рядом.

– Здравствуй.

– Привет, – отвечает Рив из-под маски.

Откашливаюсь.

– Неловко получилось. Я тебя сюда вытащила, а тебе на самом деле трудно что-либо делать.

– Именно это я и пытался тебе донести, – отвечает он, поднимая маску на лоб.

– Знаю.

– Я просто не в состоянии носиться тут как угорелый, а потом еще и тащиться в «Заколдованный лабиринт», – фыркает Рив. – Большую часть времени я должен держать ногу горизонтально.

– Знаю, – повторяю я.

На мгновение наши взгляды встречаются.

– Симпатичный костюм, – говорит он.

Жду, что Рив расколется, начнет язвить, возможно, спросит, где моя тиара, но он и не думает. Он наклоняется и трогает мою пачку. Почему-то меня бросает в жар.

Но к нам подходит Алекс, и Рив опускает руку.

– Привет, старик!

– Привет, – отвечает Рив.

– Как мило с твоей стороны, что ты пришел, – говорит Алекс с поклоном. – Лил, хочешь, мы с ним поменяемся, раз Рив не может скакать по залу. Мне нетрудно. А на аттракционе с яблоками нужно просто сидеть и глядеть.

Рив смотрит на него с изумлением.

– Но Джейсон – мой персонаж.

– Знаю, старик, но ребяташки хотят, чтобы за ними бегали. Им неинтересно смотреть, как ты машешь своей пилой со стула... – Алекс умолкает, глядя на меня так, будто просит, чтобы я его поддержала.

Но я не успеваю ничего сказать, Рив сдергивает в головы маску и бросает ее Алексу.

– Держи. Развлекайся. Так классно, как у меня, у тебя все равно не получится. – Он резко встает на костыли и добавляет: – Иди, устрой представление для своей девчонки.

Лицо Алекса становится пунцовым, а я смотрю по сторонам, делая вид, что ничего не слышала.

Рив идет прочь от нас. Поначалу думаю, что уходит, но нет, он направляется к яблочному аттракциону. Алекс наклоняется ко мне и шепчет:

– По-моему Рив никак не выйдет из образа Джейсона.

Я смущенно хихикаю.

– Спасибо за все, Линди.

Алекс натягивает маску и говорит скрипучим голосом серийного убийцы:

– Всегда пожалуйста.

Я снова смеюсь, на этот раз от души. Потом отправляюсь к столу с угощениями и выкладываю печенье в форме паучков, которое испекла вчера вечером. Неудачные и раскрошенные прячу вниз, а сверху кладу красивые.

Все получилось как нельзя лучше. Дети веселятся, аттракционы работают, родители помогают, значит, работаю не только я. Теперь могу с гордостью написать об этом во вступительном эссе. Но самое приятное это то, что я справилась без Ренни.

Наблюдаю, как Алекс гоняется за стайкой девчонок с бензопилой. Он спотыкается, но умудряется не упасть. Слышу, как на другом конце комнаты гогочет Рив. Его громогласный хохот отражается эхом от стен спортзала.

Откусываю кусок карамели с конфетного браслета. Через полтора часа все закончится. Не собиралась идти в «Заколдованный лабиринт» потому, что мне совсем не хотелось видеть Ренни, но теперь точно туда пойду. Я, как и она, имею на это полное право. Они и мои друзья тоже. Вон как они сегодня стараются. Никто не собирается плясать под ее дудку, как она рассчитывала.

Глава двенадцатая. Мэри

До сегодняшнего дня я и не представляла себе, какое значение может иметь наряд на Хэллоуин. Наверное, мне просто никогда не доводилось проводить этот праздник по-настоящему хорошо.

Когда я была маленькой, мама сама мне их шила. Другим детям костюмы покупали в магазине. Это были простые маски и нечто из пластика, что надевалось поверх одежды. Дети носились, ломали палки, изображая Супермена, или понарошку стреляли из запястий паутиной, как Человек-паук.

Мама не позволяла мне так делать.

– В этом нет никакого творчества, – говорила она.

На самом деле ей хотелось сделать костюм собственными руками, точно так же, как бабушка делала их для мамы и тети Бэтт, когда они были маленькими. Бабушку можно было бы назвать настоящей рукодельницей.

У нас на чердаке в сундуке из кедра до сих пор хранится целая куча стеганых одеял. Сложно представить себе, что такая красота создана вручную. Маме нравилась эта традиция.

– Когда ты вырастешь и у тебя родится дочка или сын, ты будешь делать для них то же самое, – говорила она мне, и всегда в такие моменты у нее на глазах выступали слезы.

С этим было сложно спорить.

Каждый год в начале октября я говорила маме, кем хочу быть на Хэллоуин – принцессой, цыганкой или летучей мышью. Мы вместе рисовали эскизы, а затем она отправлялась в магазин за тканями.

Единственной проблемой было то, что мама не слишком хорошо шила. На самом деле она доставала машинку только раз в году, под Хэллоуин. В колледже мама даже училась этому, но все зря. Поэтому каждый раз шитье для нее было почти что подвигом. За неделю до Хэллоуина ночи напролет мама проводила на чердаке. Обычно ей приходилось делать еще несколько набегов в магазин тканей: то крой оказывался неудачным, то мерки сняты неправильно.

Конечный результат всегда сильно отличался от того, что я себе представляла: швы торчали, какие-то части обязательно были мне малы, какие-то – велики. Иногда было непонятно, кого я хочу изобразить. Помню костюм дракона, который все приняли за стручок. У меня никогда не возникало ощущения, что я превратилась в какого-то выдуманного персонажа.

Сегодня все по-другому.

Я была так счастлива, когда Кэт пригласила меня провести Хэллоуин с ней. Мне даже в кошмарах снилось, что я провожу эту ночь в полной темноте, потому что тетя Бэтт не сообразила купить конфет для ребятишек.

В ванной добавляю последние штрихи к костюму: скалываю его как можно большим количеством безопасных булавок, пока Кэт не подъедет к дому и не посигналит, чтобы я вышла.

Перерыла на чердаке старый сундук с вещами тети Бэтт и нашла обтягивающие кожаные брюки – судя по ярлычку, итальянские. Наверное, с тех самых времен, когда ей был всего 21 год и она жила в Милане. А еще я обнаружила пару черных туфель на высокой шпильке и черный кружевной топ. Все это сидело на мне великолепно. В таком наряде я выгляжу как горячая подружка байкера.

Для пущего эффекта встрепываю волосы, и они ложатся буйной живописной копной. Потом завиваю несколько прядей на щипцы, хранящиеся под раковиной в гостевой ванной, несколько локонов заплетаю в косички и крашу их краской из баллончика в розовый цвет.

Наконец, с помощью косметики из тетиного туалетного столика наношу боевую раскраску. Черные стрелки, тени с блестками и много-много слоев туши. Потом, чтобы все это смыть, мне придется позаимствовать у тети бутылку скипидара.

Стою у зеркала. Сегодня я совсем не похожа на Мэри. Хотя это и странно, но даже чувствую себя другим человеком. Все кажется совсем иным. Как будто у меня внутри что-то зажгло. Я чувствую себя... живой.

Обернувшись, натыкаюсь на тетю Бэтт и вздрагиваю.

– Ты... ты давно тут стоишь?

– Чуть больше минуты, – отвечает она. – Не хотела тебя пугать.

Она поднимает голову и делает шаг вперед. Дрожащей рукой дотрагивается до моих обтянутых кожей ног.

– Мои брюки.

Я смотрю вниз и вдруг вспоминаю, что даже не спросила, можно ли мне было брать ее одежду.

– Прости, – говорю я, – мне надо было спросить у тебя разрешения. Если ты против, я все сниму.

– Дело не в этом.

– Не беспокойся, я не буду брать конфетки у незнакомцев. Если только он не предложит мне Кит Кат.

Тетя Бэтт даже не улыбается моей шутке. Вместо этого заворожено произносит:

– В Хэллоуин стираются границы между живыми и мертвыми.

Я киваю, как будто принимаю всерьез ее слова, но на самом деле думаю, что тете Бэтт надо прекратить читать эти странные книги. Она говорит как самая настоящая ведьма и вообще становится все больше и больше на нее похожа: с неопрятной выющейся шевелюрой и запавшими черными глазами. Если бы я была ребенком и пришла бы просить к нам сладостей, наверняка, увидев тетю в дверях, бросилась бы наутек. Невозможно поверить, что когда-то она была веселой и крутой девчонкой в кожаных итальянских брюках.

Эта мысль кажется подлой, и мне тут же становится за нее очень стыдно. Тетя Бэтт такая одинокая, у нее очень невеселая жизнь. Она никогда не навещает друзей и не уезжает на ночь из дома.

Совсем как я.

В этот момент меня осеняет... А вдруг с тетей Бэтт что-то случилось? Нечто очень неприятное и травмирующее, о чем я не знаю. И именно поэтому она стала такой. Может, она поругалась с мамой? Или не хотела, чтобы мы уезжали с Джар Айленда?

Не знаю, что там у нее произошло, но шагаю вперед и обнимаю ее. Не делала этого с момента моего приезда сюда. Тетя Бэтт никогда не демонстрировала склонности к физическим проявлениям привязанности, но это не значит, что она в них не нуждается.

Ее тело напрягается. Она так одинока, кто знает, когда в последний раз ее кто-то обнимал?

– Все в порядке, тетя Бэтт, – говорю я. Она тает, опускает голову, и я чувствую, как ее руки нежно прижимают меня к себе. В зеркало видно, что ее глаза закрыты.

Из окна доносится звук автомобильного гудка. Отодвигаюсь от тети и, перед тем как сбежать по лестнице, говорю:

– Люблю тебя! Не жди меня сегодня!

– Срань господня! Ну и видок! – говорит Кэт, щелчком выкидывая в водительское окно бычок.

– Мы с тобой сегодня поменялись местами, – отвечаю я со смешком, залезая в машину. На Кэт – костюм монахини. Балахон закрывает все, кроме рук и лица, на шее болтается тяже-

лый деревянный крест. На лице Кэт нет ни капли макияжа. И как я раньше не замечала, что у нее чудесная кожа и милые подростковые веснушки.

– Я – монахиня дьявола, – поясняет она, разворачивается и оглядывает меня с ног до головы. – Потрясающе выглядишь!

– Правда? – Едва сдерживаюсь, чтобы не захлопать в ладоши.

Кэт смотрит на меня как на сумасшедшую.

– Черт, конечно, правда. Хорошо хоть сестра Де Брассио захватила для тебя пояс девственности.

Показываю ей язык, пристегиваю ремень безопасности и включаю на полную громкость радиоприемник. Играет какая-то совершенно отвязная музыка, и я начинаю крутить головой, подпрыгивая на кресле.

– О господи, попридержи коней, а то сломаешь мой драндулет. Оставь силы на вечер. – Кэт имитирует танцевальное движение, прикуривает сигарету и тормозит так резко, что шины визжат и пахнет паленой резиной. – Еще совсем рано! – Пытается она перекричать музыку. – Давай заедем к моему приятелю Рикку и махнем чего-нибудь перед лабиринтом.

Киваю и продолжаю танцевать. Я еще никогда и ни с кем не тусовалась после приезда сюда, разве что с Лилией и Кэт. А еще раньше никогда не пробовала ни глотка алкоголя. Это будет сумасшедшая ночь. В хорошем смысле слова. Чудесно-сумасшедшая.

Сажусь на диване в подвале у этого парня, Рикки. Здесь темно и накурено. По телевизору показывают какой-то фильм ужасов. У меня в руке пиво, но я его не пью. Оно приятно пахнет дрожжами.

Кэт сидит рядом со мной на подлокотнике. Она уже опустошила до последней капли свой стакан.

– Я все! Рикки, помоги мне донести сюда еще несколько банок пива. Она наклоняется ко мне и шепчет: – Он симпатичный, правда?

Киваю. У Рикки карие искристые глаза и длинные густые ресницы.

– Очень.

– И зачем я потеряла столько времени с этим придурком Алексом Линдом? – Не уверена, надо ли мне отвечать на этот вопрос. Алекс и Рикки совершенно разные. Только я собираюсь сказать, что Алекс тоже милый, как Кэт с Рикки поднимаются по лестнице вверх. Смотрю им вслед, потом поворачиваюсь к брату Кэт, Пэту, он тоже за ними следит. На нем костюм смерти с косой. Вальяжно раскинувшись на диване, он сжимает коленями стеклянный сосуд кальяна.

Надеюсь, что Кэт быстро вернется. Чувствую себя здесь не в своей тарелке. Возбуждение, охватившее меня раньше, начало куда-то улетучиваться. Рядом со мной сидит парень в страшной маске и шумно вдыхает дым из резиновой трубки.

Отворачиваюсь и смотрю телевизор. Парень с топором гоняется за девушкой. Когда, наконец, настигает, не могу сдержать крик. Брат Кэт отводит взгляд от лестницы и смеется.

– Испугалась? – спрашивает он.

– Мне не нравятся фильмы ужасов, – отвечаю я, поднося к губам бутылку с пивом, но не делая при этом ни глотка.

– Откуда ты знаешь Кэт? – спрашивает он.

– Мы с ней школьные подруги.

– Я считал, что знаю всех ее школьных подруг.

– А я думал, что у Кэт в школе вообще нет друзей, – говорит парень в страшной маске, и Пэт хихикает.

– Есть, – отвечаю я. – У нее есть я.

Ухмылка исчезает с лица Пэта. Он глядит на меня с некоторым уважением и протягивает мундштук.

– Хочешь дунуть, Мэри?

Я трясу головой.

– Нет-нет, спасибо.

Парень в страшной маске фыркает. На мгновение мне кажется, что он смеется надо мной за то, что мои слова прозвучали слишком вежливо и по-пуритански в ответ на его предложение покурить травку.

Но потом я понимаю, что он просто смотрит кино, где парень разрубает девушку пополам. Сначала мне хочется зажмуриться, но вдруг до меня доходит, что все это выглядит весьма фальшиво: кровь похожа на кетчуп, кишки – на спагетти. И я смеюсь.

До моего отъезда «Заколдованного лабиринта» на острове еще не было. Его построили уже после. Та же компания, что проводила летние карнавалы. Они взяли в аренду большое поле на окраине Ти Тауна, где до сих пор у некоторых островитян остались фермы.

– Вот черт! – Говорит Кэт, когда охранник машет рукой у въезда. Стоянка забита до отказа. Прежде чем нам удастся найти свободное место, мы проезжаем почти шесть кварталов. Лабиринт открывается за две недели до Хэллоуина, но, по словам Кэт, большинство приходит сюда лишь в праздничную ночь.

Мы с Кэт идем вместе. Толпы людей, как и мы, направляются к лабиринту и такие же толпы возвращаются к машинам. Все без исключения одеты в маскарадные костюмы. Все веселятся. Чем ближе мы подходим к лабиринту, тем больше криков слышим изнутри.

Лабиринт огромный, размером с футбольное поле. Стены построены из прямоугольных тюков сена высотой больше трех с половиной метров, чтобы нельзя было заглянуть через них. Компания установила несколько стадионных прожекторов, чтобы люди не натыкались друг на друга, но этого света явно не хватает. Из динамиков доносится зловещая органная музыка. Мы еще даже не внутри, а вокруг слоняются люди в страшных костюмах, которые пытаются всех напугать.

Просовываю ладонь в руку Кэт. По сравнению со мной она кажется гораздо более сильной и стойкой.

– Мне страшно!

Кэт смотрит на меня с удивленной улыбкой.

– Держись меня, детка! – говорит она и гладит меня по голове.

Мы становимся в очередь. Перед входом нужно подписать отказ от претензий, в котором ты обязуешься не подавать на компанию иск, если у тебя случится сердечный приступ.

– Хотелось бы знать, в каком костюме придет Алекс? – меланхолично интересуется Кэт. Пожимаю плечами.

– Наверняка в каком-то уродском.

– Надеюсь, с детским праздником у Лилии все вышло тип-топ, – говорю я. – Просто уверена – Чоу всегда и все делает безупречно. Ничего не оставляет на волю случая. Может, мы ее сегодня и встретим. И она захочет с нами потусоваться, если Ренни все еще на нее дует.

– Да, – отвечает Кэт, но в ее голосе слышится сомнение. Не знаю почему, но я уверена, что Лилия прилагает усилия, чтобы дружить с нами. Гораздо больше, чем я могла ожидать от нее в сентябре.

– По крайней мере, она хоть с нами поздоровается, – говорю я, игриво пихая Кэт локтем в бок, и вдруг чувствую, как кто-то хлопает меня по плечу. Разворачиваюсь и лицом к лицу сталкиваюсь с симпатичным парнем. Во всяком случае, насколько это возможно разглядеть сквозь бинты мумии.

– Привет, – обращается он ко мне. – А ты случайно не из моей группы по английскому?

– Не думаю. – Он скребет подбородок и смотрит на меня с сомнением, будто я ему лгу. – Уверена? Я голову на отсечение даю, что в моей.

Я качаю головой.

– У меня группа третьего семестра у миссис Доккерт.

Он хмурит брови.

– А у меня мистер Фриссел.

– Ошибочка вышла, – чирикаю я и разворачиваюсь. Кэт уже продвинулась в очереди на несколько метров, и я бегу к ней.

Заметив меня, Кэт возмущенно вскидывает голову.

– И почему ты не стала с ним дальше разговаривать? Вернись и оставь ему номер своего мобильного.

Я качаю головой.

– Он просто меня с кем-то перепутал.

Кэт глядит на меня с отвисшей челюстью.

– Да он же флиртовал с тобой, дурочка! Все это дерьмо про английскую группу было лишь предлогом, чтобы завязать знакомство. Ну ты и даешь!

– Что? – Оглядываюсь и вижу, что парень в костюме мумии, стоя в кругу своих приятелей, глазет на меня, но быстро опускает взгляд, когда замечает, что и я на него смотрю. Поворачиваюсь к Кэт и шепчу:

– О, господи!

Кэт хохочет.

– Маленькая невинная Мэри, видишь, я же тебе говорила. Тебе нужно вырвать себя из привычного круга. Кто знает, может, к Рождеству у тебя уже будет парень.

От этой мысли в груди становится тепло. У меня? Парень?

– Пора уже выбраться из скорлупы и перестать быть смиренной овцой! Тебе уже не 12 лет. Семнадцать! – Она опускает глаза на мою грудь. – Смотри-ка, у тебя и сиськи есть. А парни любят сиськи!

– Перестань! – хохоча говорю я и обхватываю себя руками.

Кэт мотает головой.

– Не перестану! Прими тот факт, что ты – крутая горячая девчонка, за которой любой парень побежит.

Я только собираюсь сказать нечто вроде: «Никто за мной не бежит», но Кэт бросает на меня такой взгляд, что я закрываю рот.

Да нет же. Не может этого быть. И раньше такого не было. Может, я сама ни разу не пыталась сделать так, чтобы парни обратили на меня внимание? Кто-то, кроме Рива Табатски.

Пока мы стоим в очереди, я снова набираюсь храбрости и смотрю на парня в костюме мумии. Он по-прежнему глазет на меня, только на этот раз не притворялся, что этого не делает. Он одаривает меня милой улыбкой и я, собрав все силы, улыбаюсь ему в ответ.

Вот это да!

У самого входа в лабиринт установлены два мощных стробоскопа, мигающих с такой частотой, что практически невозможно разглядеть, что находится перед первой же стеной из сена. Мы делаем пару шагов вперед и оказываемся на первом перекрестке. Можно идти налево, направо или продолжать двигаться по прямой.

Кэт хватается за мою руку.

– Какая ж ты холодная! – Она тянет меня за собой влево. – Старайся держаться рядом. Сейчас эти придурки станут на нас прыгать...

И сразу же после ее слов из тени у стены выходят два вампира. Я визжу, а потом меня разбирает смех, а Кэт от ужаса обмякает в моих руках.

– Соблюдайте личное пространство, засранцы! – кричит она вампирам.

– Ты в порядке? – спрашиваю я ее. – Может, пойдем отсюда через вход?

Она смотрит на меня, как на дурочку.

– Просто это было неожиданно, и все. Пошли. Такое быстро надоедает. Чем скорее мы придем к выходу, тем скорее отправимся веселиться с Рикки и его приятелями.

Я хлопаю ее по спине.

– Как скажешь, сестра Кэтрин.

Мы делаем еще несколько шагов, и тут я замечаю, что рядом с нами в том же темпе, будто мы являемся частью одной группы, кто-то идет. Кэт тоже это видит, мы останавливаемся и оборачиваемся. Это пожилая женщина, одетая, как маленькая девочка в голубое платьице, кружевные белые носочки и черные бархатные туфли с бантами. У нее в руках кукла, испачканная кровью, она протягивает ее нам.

– Моя Ляля болеет! – кричит она завывающим, хныкающим голосом. – Помогите моей Ляле!

Я бы никогда не поверила, что Кэт может так кричать: громко, на высокой ноте, почти переходящей в ультразвук. Она отпускает мою руку и бросается наутек.

– Кэт! – хохочу я. – Кэт!

Направляюсь в ту сторону, куда и она, но это оказывается не так-то просто, ведь в лабиринте полно людей. Сворачиваю направо, потом налево и упираюсь в стену. Иду обратно и чувствую, как кто-то хлопает меня по спине.

– Кэт? – говорю я, но это оказывается очередной психопат в костюме фермера с окровавленным фартуком и вилами в руках, то есть еще один из сотрудников лабиринта. Он кружит меня, и, когда я делаю шаг вперед, вдруг осознаю, что совершенно не представляю, откуда пришла и куда мне идти.

– Сюда, ребята! – слышу я девчачий крик. Это уже не Кэт. Это Лилия.

Бреду на голос, но из-за громкой музыки, криков и смеха очень сложно определить точное направление.

Огибаю пару углов, и голос Лилии пропадает. Мне становится нехорошо, а еще от мерцания стробоскопа начинает болеть голова.

– Кэт! Кэт! – кричу я.

На меня прыгает еще один вампир, и на этот раз я визжу. Он хватает меня за руку и не дает идти дальше. Отталкиваю его и почти бегу по длинной аллее лабиринта. Мне нужно найти Кэт. Я не хочу проходить через весь этот кошмар в одиночестве. Когда ты сама, все становится по-настоящему страшным. Да и у Кэт уже наверняка сердечный приступ случился.

Я еще раз сворачиваю влево и через несколько метров снова попадаю в тупик. Встряхнув руками, стараюсь успокоиться. Неужели у меня когда-нибудь получится отсюда выбраться?

Потом разворачиваюсь и врезаюсь в Рива Табатски. В буквальном смысле – прямо в грудь. От удара меня отбрасывает на шаг назад. Костыли Рива с грохотом падают, и он, опираясь только на одну ногу, теряет равновесие. Слава богу, проход, в который мы попали довольно узкий, и от падения его спасает соломенная стена.

– Вот дерьмо, – говорит он.

– Я... Я тебя не видела, – мямлю я.

– С тобой все в порядке?

Застываю от изумления, что Рив меня об этом спрашивает. Щеки становятся пунцовыми, но я нагибаюсь, чтобы поднять костыли, и Рив этого не видит.

– Обо мне не беспокойся. – От волнения слова срываются с губ с неопишуемой скоростью. Я не могу поверить, что оказалась лицом к лицу с Ривом и мы с ним запросто разговариваем. После все этих лет. Выпрямляюсь и спрашиваю его:

– Как твоя нога? – Рив так и не взял у меня из рук костыли, и я прислонила их к стене, чтобы он мог дотянуться до них, когда будет готов.

– Отлично, – отвечает он. – Однако я ему не верю. Похоже, Рив испытывает серьезную боль. Это видно по его лицу. Нагибаясь, чтобы поправить лангету и затянуть липучки, он стискивает зубы.

– Может... Мне позвать кого-нибудь на помощь? Я делаю шаг назад, освобождая перед ним пространство.

– Не надо, – отвечает он спокойно. Чтобы прийти в себя, Рив проводит рукой по волосам, пропуская их сквозь пальцы, и со стоном говорит. – В любом случае, я сам виноват, что пришел в этот дурацкий лабиринт.

Он берет костыли и опирается на них.

Мне кажется, он собирается уйти, но мне этого очень не хочется. Я не готова вот так все закончить. Пока не готова. Как тогда, когда мы вместе ездили на пароме, мне очень-очень-очень сильно хотелось, чтобы дорога стала чуть-чуть длиннее. Хоть на минутку.

Тянусь и дотрагиваюсь до его руки. У него невероятно мягкая рубашка, а под ней я чувствую его бицепс. Он огромный, твердый и бугристый. Наверное, из-за того, что Рив несколько недель проходил на костылях.

– Прости, что тогда, на танцах, из-за меня ты получил травму.

Несмотря на то что это Рив сделал мне больно, мне приятно попросить у него прощения. Ведь я и правда не хотела, чтобы он пострадал так сильно, что это может отразиться на всей его дальнейшей жизни.

Он пожимает плечами.

– Бывают в жизни огорчения.

– Да, – киваю я, – бывают.

Такое случается с каждым.

Настает неловкий момент, когда никому из нас нечего сказать друг другу. Рив снова проводит рукой по волосам.

– Мне нужно найти друзей. Надеюсь, что ты выберешься отсюда живой.

Он ставит костыли, чтобы сделать шаг вперед, но я преграждаю ему путь. Это вызывает во мне прилив адреналина.

– Прошло ведь очень много времени, да? – Слова вырываются из глотки, как кашель.

Рив медленно наклоняет голову к плечу.

– Да...

Порыв ветра поднимает мне волосы. Я закладываю пряди за уши.

– Мне всегда было интересно, ты хоть понял, что тогда произошло? – Рив неловко хмыкает и несколько раз моргает. Я не могу понять, от смущения или от удивления. – Было ли тебе когда-нибудь стыдно за то, что ты сделал?

Я умолкаю. Это было прекрасное вступление. Предоставила ему наилучшую возможность, чтобы извиниться и взять ответственность за то, что он со мной сделал. Раз и навсегда расставить все точки в наших с ним отношениях.

Рив прищуривается и пытается меня получше разглядеть. Это меня отрезвляет. На мне же карнавальный костюм. Но все равно это странно. Увидев меня на танцах, он через пять секунд обозвал меня большим яблоком. Неужели сейчас он меня не узнает?

– Обозвать девочку большим яблоком за то, что она толстая, это нормально? Знаешь, что потом может с ней случиться?

Тело Рива напрягается, он смотрит на меня тяжелым взглядом, его глаза холодны. Я чувствую, как он пытается разглядеть меня сквозь слои макияжа, кожаные штаны, невообразимую прическу. Начинаю дрожать, как лист на ветру.

– Ты же так издевался надо мной. Неужели тебе не стыдно? Ни сколечко?

Он облизывает губы и рычит:

– Иди ты, сука!

У меня внутри все сжимается, я боюсь, что не смогу устоять на ногах. Рив обходит меня и удаляется по длинному коридору.

– Прости, – кричу я ему вслед. Сама не знаю, почему. Но мгновенно начинаю себя за это ненавидеть. Эти слова должны были быть адресованы мне. Не ему. Я никогда не дождусь извинений от Рива. Ему совсем не стыдно.

Ни капельки.

И тут я чувствую, что это начинается. Лавина. Цунами. Шторм во мне. Гнев и печаль. Как тогда, после бала. Я закрываю глаза, но темно не становится. Я вижу, как загорается лабиринт, построенный из сена, как всех, кто внутри, окружает огненная стена.

Господи. Мне нужно выбраться отсюда прежде, чем я взорвусь.

Глава тринадцатая. Кэт

Я вжимаюсь в стену из сенных тюков, и в спину сквозь монашеское платье впиваются сухие травинки. Я в тупике, но мне плевать. Прячусь, чтобы ни один вампир или зомби не мог напасть на меня со спины. То и дело заглядываю за угол и смотрю, нет ли там Мэри.

Конечно, я бы нашла ее гораздо раньше, если бы искала по-настоящему. Но я стою на месте и жду, что она сама придет. Я заплатила тридцать баксов не для того, чтобы скончаться от сердечного приступа в этом чертовом лабиринте.

Надеюсь, она веселится. Детям полезно развлекаться.

Мне радостно, что тот дурачок в костюме мумии пытался познакомиться с Мэри, когда мы стояли в очереди. Это наверняка поднимет ее самооценку. Из меня тот еще советчик, но Мэри явно нужно осознать, что она уже не та девчонка, которой была раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.